

ГЕНЕРАЛ-ОТ-ИНФАНТЕРИИ А. П. КУТЕПОВ

ожалуй, мало кто из Белых генералов – кроме, разумеется, высших руководителей движения – был известен столь широко, как герой нашего очерка. Его имя давало неофициальное название занятым территориям и становилось символом установленной на них власти. Его образ, пусть и в отрицательном освещении, смог под своим именем проникнуть в советский кинематограф. И никто из вождей Белого Дела не получил таких категоричных и абсолютно противоположных отзывов даже от собственных соратников. Представлявший всем или слишком примитивным, или чересчур сложным, он так и остался «сфинксом, неразгаданным до гроба», а загадка его исчезновения надолго заслонила интерес к личности этого человека.

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в городке Череповце Новгородской губернии. В семье потомственного дворянина, служившего лесничим, он был самым старшим; позже появились на свет две сестры и два брата. С раннего детства Саша увлекся всем, связанным с русской армией, а его любимым героем не случайно стал «белый генерал» М. Д. Скобелев, чей день рождения почти совпадал с его. Мальчик отличался энергией, живостью и решительностью, а дисциплинированность и аккуратность проявились в нем так рано, что казались едва ли не врожденными. Для развития смелости и воли он заставлял себя вставать среди ночи и ходить в самые темные и страшные места – в дальние углы сада, в глухие переулки, на кладбище. Большое огорчение принесло решение родителей отдать его не в кадетский корпус, а в Архангельскую гимназию. Учился Саша отлично, но сама учеба была мальчику скучна, так как он продолжал бредить военной службой. Его ответственный подход к порученному делу был замечен, и уже в третьем классе гимназист Кутепов стал старшим по общежитию, где немедленно установил среди сверстников образцовый порядок. Он сумел внушить уважение к себе и к дисциплине не столько кулаками (что тоже мог сделать, будучи физически крепким подростком), сколько благодаря природным лидерским способностям. Недаром родители одного ученика, лентяя и баловня, пригласили Кутепова пожить у них, чтобы воспитать того по своему образу и подобию.

В тринадцатилетнем возрасте Александр добровольно принял участие в летних гарнизонных маневрах и проделал семидесятидвухверстный переход наравне с солдатами, которые трогательно заботились о маленьком гимназистике. Вероятно, с этого события он начал проникаться глубокой симпатией к русскому солдату, пронесенной через всю жизнь. А в четырнадцать лет – первая утрата: смерть матери, проститься с которой сын так и не успел, хотя спешил изо всех сил.

После отличной сдачи экзаменов и перехода в последний класс юноша имел право отбывать воинскую повинность на правах вольноопределяющегося 1-го разряда, что давало возможность поступить в юнкерское училище и обучаться там на казенный счет. Для многодетной семьи, не имевшей никакого недвижимого имущества, это было весьма существенным обстоятельством. Кроме того, 1-й разряд означал прием вне конкурса при сдаче единственного экзамена по русскому языку не менее чем на 7 баллов (система оценок была 12-балльной). Отец понимал, что сын уже выбрал свой путь, и не возражал. С 9 июля 1901 года Александр Кутепов зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в Архангелогородский резервный батальон, где прослужил почти год. 7 июля 1902 год он направлен в общий класс Санкт-Петербургского юнкерского училища, а два месяца спустя, 7 сентября, произведен в младшие унтер-офицеры с исполнением обязанностей фельдфебеля роты. По воспоминаниям офицеров-воспитателей и однокашников, юнкер Кутепов уже обладал силой духа, отчетливостью характера и ясным мышлением. Все особенно отмечали его кристальную честность и бесстрашие. Однажды, не успев подготовиться к «репетиции» (род промежуточного экзамена) без уважительной причины, он прямо сознался в этом и попросил отсрочить свой ответ; преподаватель принял во внимание искренность юнкера и согласился. Вообще же Александр учился блестяще и с огромным увлечением. Иногда удавалось доставить себе удовольствие посещением театра.

Начальником Главного Управления военно-учебных заведений в то время был Великий Князь Константин Константинович, пользовавшийся большой популярностью у кадет и юнкеров, при посещении своих корпусов и училищ часто устраивавших ему торжественные встречи и буквально носивших его на руках. Именно на него Кутепов произвел столь благоприятное впечатление на смотре 11 июля 1903 года, что тут же, на плацу, был произведен «за отличное командование своей ротой» сразу в фельдфебели, минуя звание старшего портупей-юнкера, — как говаривал позднее он сам, «по-екатеринински». Конечно, это укрепляло преклонение перед монархией в целом и Императорской Фамилией как ее зримым воплощением. Помимо успехов в теоретических и строевых занятиях, Кутепов прославился и как лучший фехтовальщик училища, что подтверждает полученный им 6 июля 1904 года приз за бой на эскадронах. При выпуске фельдфебель первым выбирал вакансии и мог выйти в самые завидные полки. Но уже шла Русско-Японская война, и Кутепов стремился в Действующую Армию. Произведенный в подпоручики, 9 августа 1904 года он отбыл на Дальний Восток в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк.

* * *

Назначенный помощником начальника команды конных охотников (разведчиков), молодой подпоручик с первых дней службы проявил настойчивость, выдержку, смекалку и храбрость. По два-три, а то и пять раз за день он водил своих людей в разведку, причем благодаря умелому командиру они почти не несли потерь. Как-то Кутепов едва не был зарублен хунхузом, но выручило искусное владение шашкой; однако первое убийство, да еще холодным оружием в ближнем бою, внушило отвращение и долго не могло забыться. В другой раз была рассеяна японская застава (более 70 человек), а ее оружие, включая пулеметы, стало трофеями охотников. Самым замечательным в этом деле стало то, что подпоручик не только не был награжден (орден Святого Георгия IV-й степени получил начальник команды, в вылазке не участвовавший), но и фактически умолчал о своей роли; только после войны один из офицеров случайно узнал от солдат истину. Редкое свободное время Кутепов также посвящал службе. «Скромного, всегда по форме одетого подпоручика Кутепова трудно было уговорить выпить одну-две рюмки водки, а о том, чтобы он играл в карты, — никто и не слыхал», — с некоторым недоумением вспоминал однополчанин.

Во время Мукденского сражения Кутепов отличился в деле у Кудяза 25 февраля 1905 года, за что 5 мая получил орден Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом; 24 июля он был отмечен второй наградой — орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость». Когда же в полку побывал германский Принц, он заметил подтянутого офицера и, выслушав его доклад об одной из разведок, пожелал наградить его от имени Августейшего Шефа полка. В результате 16 января 1906 года пришло разрешение «принять и носить пожалованный Императором Вильгельмом II прусский орден Короны 4-й ст[епени] с мечами на черной ленте с белыми полосами по краю».

Между тем война закончилась, и еще 2 октября 1905 года Кутепов, не получивший на ней и царапины, был откомандирован в Новгород, в 85-й пехотный запасный батальон, для обучения молодых солдат. Легко представить его горечь от поражения в войне и особенно — от столкновения с охватывавшей

страну революционной стихией. Следуя с эшелоном через всю Россию, он поражался и негодовал, но уж никак не терялся: в Иркутске, где произошла было задержка, подпоручик арестовал местный комитет и добился отправки эшелона дальше. Прибыв в Новгород, Кутепов приступил к исполнению своих служебных обязанностей. А награды продолжали догонять его. 22 мая 1906 года из рук самого Императора Николая II он получил орден Святого равноапостольного князя Владимира IV-й степени с мечами и бантом, а вскоре был произведен в поручики.

Революция же продолжалась, и именно она стала косвенной причиной дальнейшего поворота в судьбе Александра Павловича. В июне 1906 года произошли волнения в старейшем, безукоризненном полку Императорской Гвардии – Лейб-Гвардии Преображенском. Суть событий была такова. Нижние чины 1-го батальона (командиром которого считался сам Император) образовали толпу во дворе казарм, что-то обсуждали и, вопреки приказанию, не расходились. Дежурный офицер вместо мер принуждения доложил по команде; когда известие дошло до Командующего войсками Гвардии, Великого князя Николая Николаевича (Младшего), тот, нарушая уставы, велел замять дело. Опрос солдат о жалобах, произведенный крайне искаженно, привел к подаче ими письменного коллективного заявления (само по себе деяние недопустимое), в котором явно звучали политические мотивы – например, требование «свободы печати». Правда, при разбирательстве выяснилось полное непонимание солдатами смысла собственной петиции (под «печатью» они понимали полковую круглую печать и т. д.), что говорило о внушении требований извне, то есть об агитации. Николай Николаевич, видя тщетность попыток скрыть происшествие, заявил уже о «бунте». Агитаторов нашли и наказали, но немилость пала и на весь батальон, который раскассировали полностью, включая и офицеров. Были спороты и Шефские вензеля с погон. Большинство солдат, не участвовавших в волнениях, плакали и умоляли о прощении, что никак не вяжется с образами «бунтовщиков».

Многие сочли огульное наказание слишком жестоким, но в действительности было просто невозможно выявить всех смутьянов, что давало опасность сохранения их в Гвардии; требовалось примерное наказание, – кстати, оказавшееся весьма мягким. А во вновь сформированный 1-й батальон подбирались самые отличившиеся и благонадежные офицеры из числа участников последней кампании. 13 декабря 1906 года прикомандированным Лейб-Гвардии к Преображенскому полку оказался и поручик Кутепов, причем «за свои боевые отличия... в том же чине и с тем же старшинством». При учете преимуществ офицеров Гвардии перед армейскими это фактически означало производство. 12 июля 1907 года Кутепов был окончательно принят в полк и приступил к временному исполнению должности начальника пулеметной команды.

Через некоторое время он стал помощником начальника полковой учебной команды, что означало наибольшее по сравнению с другими офицерами приближение к роли воспитателя солдат. Кутеповские методы были просты и действенны. Вначале тщательно, доходчиво и терпеливо он объяснял и внушал требования, затем указывал на нарушения, а потом, если они продолжались, беспощадно налагал дисциплинарные взыскания. Но при этом никогда не позволял себе рукоприкладства и добивался, чтобы даже старые унтер-офицеры вели себя так же. Кутепов считал звание солдата почетным и просто не мог унижать его. Другой его особенностью являлось полное и нарочитое иг-

норирование традиционной разницы в отношении к солдатам и вольноопределяющимся. Кутепов был убежден, что настоящие воины должны соответствовать равным требованиям без каких бы то ни было поблажек отдельным их категориям. Проштрафившихся не бранил, не кричал на них, а иногда даже не подвергал взысканиям, ибо гораздо действеннее бывала укоризненно брошенная вполголоса его любимая присказка: «Эх, Федора Ивановна!» В праздничные и воскресные дни Кутепов часто водил молодых солдат в музеи, театры, галереи и рассказывал об истории и искусстве. Этим опровергается поздний запальчивый отзыв о нем генерала Я. А. Слащова как о человеке, «не бравшем с момента производства книги в руки». Нижние чины видели и строгость, и справедливость Кутепова и прозвали его «правильный человек».

В то же время и после перехода в Гвардию Кутепов продолжал оставаться тем, кем был до этого, – заурядным в хорошем смысле слова служакой, не вынашивающим честолюбивых планов. Именно такие офицеры старательно тянули лямку, являясь прекрасными исполнителями приказов начальства и идеальными командирами своих рот и батальонов. Александр Павлович ясно осознавал, что он – армейский провинциал, совсем не светский и не знатный – воспринимался многими кадровыми Лейб-Гвардейцами, при всей доброжелательности, как чужак, и что военно-придворная карьера для него закрыта. Не стремился он и в Академию Генерального Штаба, чувствуя призвание к строевой службе. Возможно, впоследствии Кутепов планировал перевестись в армейский полк, используя преимущество в чинах.

В полку он прославился как самый «отчетливый» офицер, служебный же рост его происходил довольно плавно: начальник пулеметной команды, затем начальник команды разведчиков, где пригодился маньчжурский опыт, и, наконец, как мы знаем, начальник учебной команды. Жить Кутепову как-то удавалось на одно свое жалованье (что в Старой Гвардии было чрезвычайно трудно и о чем предупреждали сразу при зачислении в полк). Особенно тяжело стало после смерти в 1912 году отца, в то время – председателя землеустроительной комиссии. На плечи старшего сына легла забота о братьях и сестрах. Офицеру пришлось помогать им в подготовке к экзаменам, хлопотать о пенсии на них и о зачислении на высшие женские курсы, в университет и в Санкт-Петербургское военное училище (получившее к тому времени название Владимирского) на казенный счет. Себя же ограничивал во всем; о женитьбе нечего было и думать.

* * *

Начало Первой мировой – Второй Отечественной – войны стало очередным поворотом в судьбе штабс-капитана Кутепова, резко нарушив довольно патриархальные ее перспективы. Учебная команда, естественно, не подлежала отправке на фронт и оставалась с запасным батальоном в столице. Но ее начальник рвался в бой и 1 августа 1914 года выступил с полком на позиции во главе 4-й роты. Уже 20 августа у села Владиславово (юго-западнее Люблина) Преображенцы вступили в первый бой. Наступавшие австрийцы испытали на себе страшную штыковую атаку русской Гвардии и были смяты. Тогда полк еще был полностью укомплектован кадровыми солдатами, и какими! – самым маленьким в роте был нижний чин ростом «всего» 197 см, прозванный сослуживцами «мальчиком», основная же масса далеко превосходила двухметровую планку. Эти великаны отлично стреляли и мастерски владели приемами штыкового боя. Солдат-Гвардеец ударом приклада обычно сносил полчерепа,

*Расчет русского 76-мм артиллерийского орудия
во время Первой мировой войны*

а заколотого врага поднимал на штыке и отбрасывал за спину, как сноп. И противник панически боялся Гвардейских контратак...

В том бою Кутепов шел в цепи и получил пулю в левую ногу. Между тем австрийцы огнем остановили русских и снова бросились вперед. Штабс-капитана спасли от плена раненые солдаты, на руках вынесшие его к своим. В полк он вернулся в ноябре, что при перебитой кости было довольно коротким сроком. В марте 1915 года – вторая рана, теперь в правую ногу, но тут осколок гранаты кости не задел. Возвращение на позиции совпало с «Великим Отступлением» русской армии. А 19 июня Кутепов был произведен в капитаны. В тех боях Гвардейская пехота сломила натиск элиты германских войск – прусской Гвардии.

27 июля 1915 года в тяжелом бою у деревни Петрилово Ломжинской губернии немцы после мощного артобстрела смяли левый фланг Преображенцев, почти уничтожив 3-ю роту. Кутепов, не дожидаясь приказа, бросил свою роту из резерва в стремительную контратаку. И почти сразу пуля свалила «черного капитана», как называли его солдаты. Несмотря на дикую боль от раны в нижнюю часть живота, он запретил выносить себя в тыл и, лежа на носилках, руководил ротой до тех пор, пока противник не был выбит из захваченных им русских окопов. В жестокой рукопашной схватке полегло более 70% ротного состава. Позднее, в эмиграции, недоброжелатели вспомнят этот эпизод как доказательство тактической неграмотности Кутепова и его стремления добывать победу «большой кровью». В действительности же он спас тогда позицию, задержал продвижение всей Баварской дивизии противника и ликвидировал прорыв. Не случайно именно за этот бой Кутепов получил орден Святого Георгия IV-й степени, а 20 августа был назначен командиром Гусударевой роты – первой в полку. Его имя облетело и другие части Гвардии.

Во время летнего наступления Юго-Западного фронта 1916 года Гвардейцы дрались с самоубийственным героизмом. В ходе кровопролитных боев на Стоходе 1-я Гвардейская дивизия тайно сменила измотанную 6-ю Сибирскую

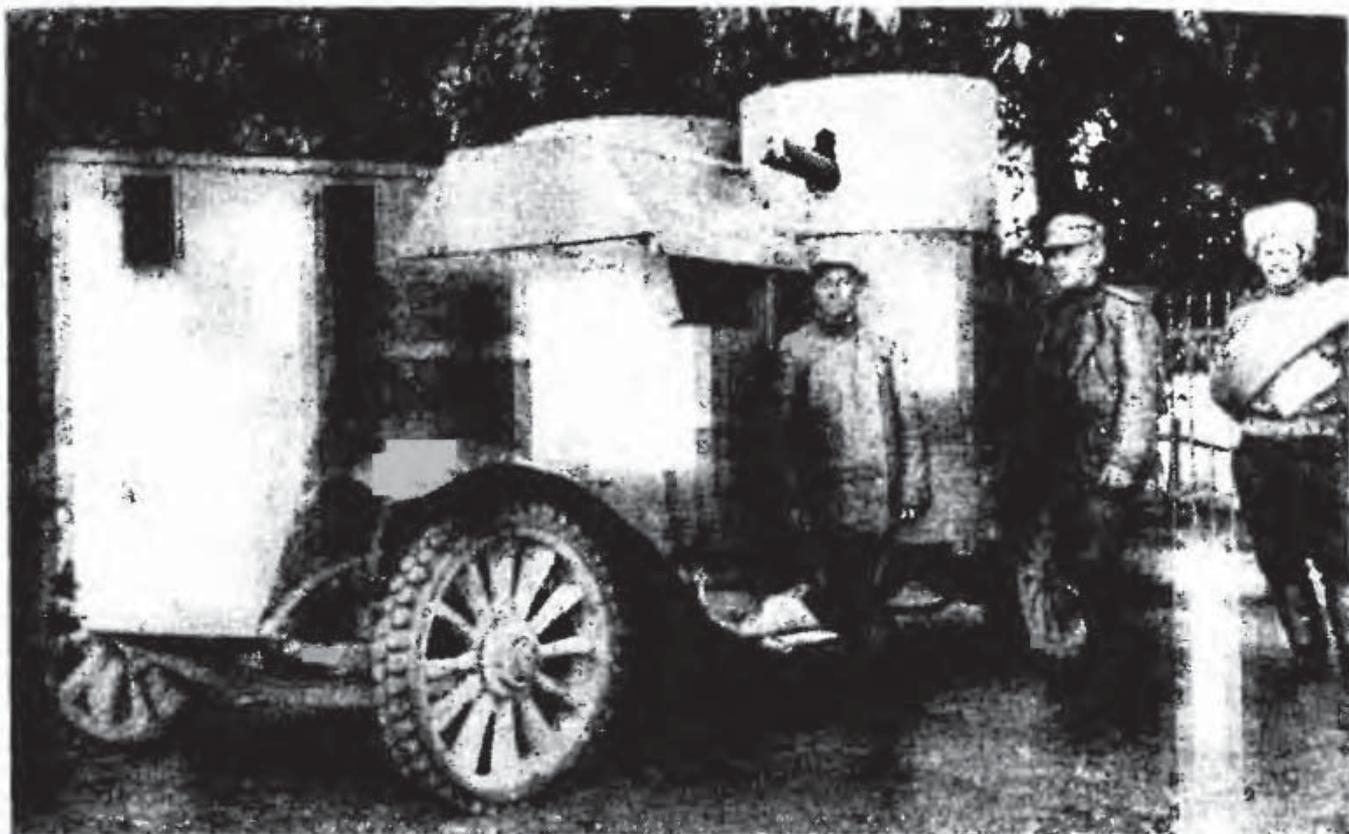
стрелковую. Неожиданным мощным ударом 6 сентября русские захватили часть укреплений противника в районе Свинюх, но растянули свой фронт. На следующий день немцы трижды контратаковали и частично вышли в тыл Лейб-Гвардии Семеновскому и Егерскому полкам, заняв Свинюхинский лес. Кутепов, уже командир 2-го батальона Преображенцев, ударил во фланг противнику. Стройно, как на маневрах, сквозь заградительный огонь вражеских батарей батальон дошел до леса, ворвался в него, выбил неприятеля и тем довершил прорыв фронта. Трофеями Преображенцев и Измайловцев стали 2 орудия, 3 миномета и 7 пулеметов; более 900 немцев попали в плен. Шедший в цепи Кутепов получил за бой 7–8 сентября Георгиевское Оружие и был произведен в полковники.

Очень ярко образ Кутепова дополняется таким эпизодом. Однажды в ходе быстрого наступления тыловые службы полка сильно отстали, и снабжение продовольствием прервалось. Голодные солдаты наелись недозрелой капусты в поместье, где останавливались на дневку, и у многих началась дизентерия. Вдобавок к командиру батальона явился местный управляющий с жалобой на потраву и требованием к «пану офицеру» наказать виновных. Кутепов всегда стоял на страже порядка, но в данной исключительной ситуации солдатской вины он не видел, считая главным накормить подчиненных; удар же по боеспособности подлил масла в огонь. Будучи верхом, он несколько раз вытянул управляющего плетью по спине и погнался прочь, крикнув, что для русского солдата ничего жалеть негоже. Здесь Александр Павлович предстает как заботливый командир, – и нижние чины платили ему любовью и уважением.

* * *

По некоторым данным, в начале 1917 года Кутепов являлся помощником командира полка. А в конце февраля, когда в Петрограде начались беспорядки, переросшие в революцию, он как раз оказался в столице в трехнедельном отпуске. Прежде всего его поразило не оживление на улицах, а резко критические отзывы о правительственной политике офицеров Запасного батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка. Кутепов твердо оборвал их, заявив, что дело военных – поддержка власти, а не ее критика. Но подобная точка зрения почти не находила отклика, – быть может, потому, что в Гвардейских кругах, болезненно реагиовавших на многое из того, что происходило вокруг Трона (слабость министров, влияние – действительное или мнимое – Г. Е. Распутина и т. д.), подчас встречали одобрение разговоры о дворцовом перевороте – принуждении Императора Николая II к отречению в пользу Цесаревича Алексея.

Тем не менее на решительного фронтовика обратил внимание его однополчанин полковник В. И. Павленко, временно исполнявший должность начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда. Этот офицер, несмотря на приступы стенокардии, вначале активно боролся с беспорядками. Он-то и упомянул о Кутепове, когда встал вопрос о командире особого отряда верных войск для наведения порядка. Кандидатуру поддержал и Градоначальник А. П. Балк, полагавший, что необходим популярный среди солдат, «храбрый, близко стоящий к ним офицер». В действительности же Кутепов абсолютно не был известен запасным и не мог поэтому пользоваться среди них каким-либо авторитетом. Однако 27 февраля, на следующий же день после приезда в столицу, он был вызван к Командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову, который приказал возглавить так называемый

Бронеавтомобиль «Остин», состоявший в рядах русской армии, 1916 год

мый «карательный отряд» из учебных команд Преображенского, Кексгольмского и Запасного Пулеметного полков при 12 пулеметах. Приказ подавить бунт «Кутепов выслушал молча. Затем сказал: “Слушаю”, – и отправился к отряду. Внешность его и манера держать себя производила подкупающее впечатление – чувствовались сила и энергия».

Между тем вслед за волнениями в Запасном батальоне Лейб-Гвардии Павловского полка и бунтом Волынцев выступления произошли в Литовском, Преображенском и 2-м саперном батальонах, а также в Жандармском дивизионе. Положение власти быстро ухудшалось. Поэтому Кутепов решил действовать твердо. Двигаясь по Литейному проспекту, его отряд обратил в бегство густые «революционные» толпы. Удалось занять Зимний дворец – но вскоре его пришлось покинуть по требованию Великого Князя Михаила Александровича. То же произошло и в Адмиралтействе. 28 февраля Кутепов пробился в Петропавловскую крепость, где по приказу военного министра его отряд, насчитывавший к тому моменту 1100 человек, 12 орудий и 15 пулеметов, был распущен. На предложение ради безопасности переодеться в штатское полковник ответил категорическим отказом. Удачно разминувшись с пришедшими арестовать его матросами и убедившись в бессилии новой власти (ярким примером чего стал Приказ № 1), Кутепов, прервав отпуск, вернулся на фронт.

Весной 1917 года специальная комиссия Временного Правительства отправила в отставку и «в резерв чинов» до 150 генералов, казавшихся наиболее опасными или бездарными. Значительное число увольнений коснулось Гвардейского командования – требовалось убрать от войск явных монархистов, чтобы и щегольнуть «революционностью», и устранить откоро-

венных противников. Такая судьба постигла и командира Преображенцев генерала Дрентельна, и 2 апреля «командующим на законном основании» Лейб-Гвардии (теперь именовавшимся просто «Гвардии») Преображенским полком стал полковник Кутепов. Возможно, в назначении сыграло роль скромное происхождение и то, что он не был коренным Гвардейским офицером.

Падение дисциплины в Петровской бригаде шло медленнее, чем в «демократизированной» армии, но постепенно проявлялось и здесь. На одном из заседаний полкового комитета солдаты из прибывшей на пополнение маршевой роты сообщили о действиях Кутепова в столице в феврале и потребовали предать его революционному суду, но старые солдаты не выдали «правильного человека» и фактически оправдали его. Во время дивизионного митинга Кутепов еще мог одним своим появлением восстановить порядок, но уже звучали и призывы поднять его на штыки (со стороны нижних чинов 2-й Гвардейской дивизии). И снова Преображенцы спасли командира, грозно сомкнувшись вокруг него, что быстро охладило пыл остальных.

В июньском наступлении действия Гвардии характеризуются двояко. С одной стороны, встречается упоминание, что лишь один Лейб-Гвардии Семеновский полк из всего Гвардейского корпуса и лишь в один день наступления (23 июня) «выполнил возложенную на него задачу» (можно предположить, что Гвардейские офицеры со злорадством наблюдали за крахом военной политики А. Ф. Керенского и не горели желанием ей содействовать). С другой стороны, это продолжалось только до германского контрудара, после которого командиры выбивались из сил, пытаясь организовать отпор. 6 июля Петровская бригада была брошена на ликвидацию прорыва. Вторично русская Гвардия сломала натиск прусской, задержав захват Тарнополя. На следующий день яростной контратакой под Мшанами Преображенцы смяли противника, но потом сами вынуждены были отойти под давлением превосходящих сил. Главным в этой ситуации Кутепов счел сохранение спокойствия и организованности и, находясь в цепях 1-го батальона, прикрывавшего отход, для воодушевления солдат обходил позиции по брустверу окопа. Взрывом полковника сбило с ног, но даже не контузило. За бой под Мшанами Кутепова представили к ордену Святого Георгия III-й степени, но получить его уже не удалось – помешал приход к власти большевиков.

По архивным данным, Кутепов стал кавалером и солдатского Георгиевского Креста – так называемого «Георгия с веточкой» (на его ленте крепилась серебряная лавровая ветвь), «демократической» награды 1917 года, удостоверение которой производилось по решению – «приговору» – самих солдат. Некоторые относились к такой награде презрительно, называя «метлой», ибо считали ее признаком заигрываний с нижними чинами; но в настоящем случае инициатива Преображенцев была искренней и соответствовала действительным заслугам награжденного. Подтверждением служит и «Краткая боевая аттестация командующего Лейб-Гвардии Преображенским полком полковника Кутепова» от 17 августа 1917 года: «Обладает опытом двух кампаний; зарекомендовал себя в последних боях Петровской бригады выдающимся командиром полка. Трижды ранен... Характера твердого. Выдающийся. Вполне достоин к назначению на должность командира бригады вне очереди». Таково было мнение командира Петровской бригады генерала П. Тилло и командира I-го Гвардейского корпуса генерала В. З. Май-Маевского – будущих сослуживцев по Добровольческой Армии.

Поражение Корниловского выступления повлекло окончательный развал всякого порядка. Наиболее патриотически и непримиримо настроенные офицеры отныне стали враждебны как «пораженцам», так и бездарному Временному Правительству. Делая ставку на диктатуру и прямую борьбу, часть из них перешла к активным тайным действиям. После ареста Л. Г. Корнилова на некоторое время вся деятельность по объединению военной оппозиции оказалась сосредоточенной в руках генерала М. В. Алексеева. Через главу организации «Русское Собрание» В. М. Пуришкевича началось собирание офицеров в столице. Так в октябре оформилась тайная Офицерская Объединенная Организация, возглавленная Преображенцем полковником П. А. Веденяпиным; в Москву был направлен полковник князь И. К. Хованский 1-й. Руководство находилось в руках офицеров Гвардии. По воспоминаниям дочери Алексеева, на квартире генерала среди других «все время бывал» и приехавший в Петроград Кутепов. Это позволяет считать Александра Павловича одним из руководителей организации. К тому же и Веденяпин, и Хованский были его однополчанами.

После прихода к власти большевиков Кутепов снова на позициях, назвать которые фронтом не поворачивается язык. Своим долгом он считал спасти знамя: после прощания 21 ноября офицеров с полковой святыней оно было спрятано, а затем вывезено на Юг России. Прикрепленный к Преображенскому знамени орден Святого Георгия, принадлежавший Императору Александру II, Кутепов с тех пор носил на груди под одеждой и никогда не расставался с ним.

А Армия агонизировала. Вводилась выборность начальников: Кутепов получил «почетную» должность кашевара, и это еще, быть может, показывало расположение солдат, давших уважаемому командиру «теплое местечко»... Пользуясь тем, что новое «повышение» не было утверждено, Кутепов 2 декабря 1917 года с болью в сердце подписал приказ о расформировании старейшего полка Императорской Гвардии. Теперь ничто не удерживало от выезда на Дон.

* * *

24 декабря маленькая группа офицеров-Преображенцев во главе со своим командиром прибыла в Новочеркасск и вступила в ряды формировавшейся Армии. Сразу же состоялось назначение Кутепова начальником Таганрогского гарнизона и, соответственно, руководителем обороны на этом направлении. Как свидетельствуют архивные документы, 30 декабря Кутепов стал «командиром 3-го полка Добровольческой армии»; за названием, впрочем, крылась лишь надежда создать полк, так и не реализовавшаяся в силу малочисленности Добровольцев и больших потерь.

В первой декаде января 1918 года крупные силы большевиков повели наступление на Ростов. Кутепов выступил навстречу и у Матвеева Кургана дважды разбивал противника, компенсируя численную слабость своего отряда стойкостью и выучкой. Но через две недели упорных боев, после потери Таганрога поредевший кутеповский отряд был отведен к Ростову. Существуют сведения, что Кутепов был отстранен от командования самим Корниловым, считавшим его виновником таганрогской неудачи и (вполне справедливо) ставленником Алексеева, чьи отношения с Главнокомандующим отличались крайней напряженностью. В итоге Александр Павлович несколько дней был на должности рядового, а затем принял 3-й Офицерский батальон, 12 февра-

*Знак 1-го Офицерского пехотного генерала
Маркова полка*

ля сведенный в роту в составе Сводно-Офицерского полка. 3-я рота неофициально именовалась «Гвардейской», так как состояла в основном из офицеров Императорской Гвардии; ее численность колебалась от 80 до 250 штыков, в зависимости от потерь. Во главе Гвардейской роты полковник Кутепов и выступил в Первый Кубанский поход.

С первого же боя под Лежанкой он задает тон офицерам, вместе с прочими командирами создавая традиции знаменитых атак ровными цепями, средним шагом, с сохранением внешнего спокойствия и – до времени – без единого выстрела. «Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания», – таким запомнился он очевидцам. В бою у хутора Филипповского под сильным огнем Добровольцы залегли прямо на пашне. «Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах, – Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили». Несомненной была и некоторая бравада Кутепова выправкой и строевой подготовкой в самых тяжелых условиях похода. После перехода вброд реки, во время марша на морозе в обледенелой одежде он совсем не случайно вел роту подчеркнуто бодро, с подсчетом шага: командир мобилизовывал волю людей и вызывал уважение у видавших виды офицеров. Совершенно непостижимым было и то, как Кутепову в походных условиях удавалось ежедневно оказываться в чистом обмундировании и свежевывритым. Собственным внешним видом он дисциплинировал подчиненных лучше, чем любыми замечаниями и внушениями.

В то же время Кутепов не был бездушным солдафоном и по мере сил максимально заботился о роте. Не раз занимал для отдыха лучшие дома, отстаивал их в жарких спорах с прочими командирами и старался во что бы то ни стало накормить людей. Однажды, узнав, что его офицеры захватили в лавке какие-то ящички, он отправился выяснять обстановку, «нервно подергиваясь», а вернувшись, объяснял: «Нашли сухари и рис. Что же, прикажете бросить и не варить каши?» В силу жестокой необходимости зарождались новые «традиции», стимулированные отвратительным снабжением или просто его

отсутствием, – жизнь за счет местного населения, реквизиции и «самоснабжение».

Наряду с небывалой жертвенностью и бескорыстием в ряды Добровольцев, по их собственным признаниям, уже в первый период борьбы стали проникать семена жестокости и кровожадности. Многие офицеры, испытав унижения и преследования, потеряв в огне революции родных и близких и с трудом прорвавшись в Добровольческую Армию, горели желанием «отвести душу». Кутепов не поощрял – и не удерживал. Но когда в Армию хотел поступить прапорщик Т. Кирпичников – бывший унтер-офицер, считавшийся (быть может, неоправданно) зачинщиком бунта запасного батальона Лейб-Гвардии Волынского полка в феврале 1917 года, – Кутепов сказал лишь: «А, вы тот унтер-офицер, который убил своего начальника...» – и приказал его расстрелять. Некоторые армейские офицеры, особенно из интеллигенции, приписывали особую жестокость именно Гвардейцам: «...Крестьянские трупы загорают нам все дороги, и с гвардии полковником Кутеповым мы именно поэтому не дойдем не только уж до Московского Кремля, а, может быть, и до ближайшей деревни». Но справедливость этой оценки сама по себе спорна, да и в условиях борьбы на истребление противника кутеповская позиция была едва ли не самой эффективной...

После соединения с Кубанским отрядом генерала В. Л. Покровского 17 марта Добровольческая Армия была переформирована. Командовавший Офицерским полком генерал С. Л. Марков принял 1-ю бригаду, его помощник полковник Н. С. Тимановский вступил в командование полком, а помощником командира полка стал Кутепов. Когда же при штурме Екатеринодара погиб командир Корниловского ударного полка полковник М. О. Неженцов, Александр Павлович был назначен его преемником, вероятно, по инициативе А. И. Деникина. С Ледяного похода началось сближение Кутепова и Деникина, основанное на определенном сходстве характеров и взаимной симпатии, «чтобы в горниле Гражданской войны перерасти в большую приязнь, а в эмиграции – в исключительно доверительные отношения». На момент вступления Кутепова в должность Корниловский полк насчитывал менее 300 штыков, а к концу боев под Екатеринодаром сократился до 67 невредимых бойцов; в 1-й роте осталось всего четыре человека.

Почти сразу после прорыва Добровольческой Армии из почти безнадежного окружения очевидной стала отчужденность Корниловцев по отношению к их новому командиру. Неприязнь ударников, многие из которых были настроены республикански, а иные даже симпатизировали эсерам, явно выплескивалась на Гвардейцев-монархистов. Кутепов остро почувствовал себя чужаком (хотя в свое время и у Преображенцев считался «пришлым») и собирался уйти из Корниловского полка. Однако его помощник, недавний командир 2-го батальона капитан Н. В. Скоблин, сумел не только уговорить Александра Павловича остаться, но и помог ему получить искреннее признание подчиненных. С тех дней Кутепов стал «кровно связан» с Корниловцами, а со Скоблиным, который был моложе его на десять лет, постепенно крепко сдружился.

Тем не менее во Второй Кубанский поход Александр Павлович выступил уже командиром бригады во 2-й дивизии генерала А. П. Богаевского. Постоянно находясь во время боев в цепях Корниловского полка, он еще более укрепил свой авторитет среди «несгибаемых» и был признан ими окончательно. После гибели 12 июня под станцией Шаблиевской генерала Маркова Кутепов временно исполнял должность начальника 1-й дивизии, но 15 июля дивизию

принял генерал Б. И. Казанович – этот, как характеризовал его Деникин, «отличный таран для лобовых ударов», чья тактика фронтальных боев станет вскоре одной из причин больших потерь, понесенных дивизией под Екатеринодаром, Армавиrom и Ставрополем.

В конце тяжелого боя под Тихорецкой Кутепов едва не пал жертвой провокации: красные выбросили белый флаг, а когда полковник с несколькими сопровождавшими подскочил к их окопам, открыли огонь и перебили часть офицеров. Неудивительно ожесточение Кутепова, который впоследствии, по ряду сообщений, не раз обходил шеренги пленных и лично выбирал, кого следует расстрелять (отбор жертв по принципу «а морда самая комиссарская» был достаточно типичен для начального периода борьбы...).

16 июля авангард 1-й дивизии во главе с Кутеповым разбил передовые красные части И. Л. Сорокина у станицы Тимашевской. Через день полковник с Кубанским стрелковым и частью Марковского полка выступил к станции Сосыка, чтобы перехватить тридцатитысячную группу противника и не позволить ей прорваться на защиту Екатеринодара. Однако Сорокину удался скрытый маневр, благодаря которому он вышел в тыл наступающим на Кубанскую столицу Добровольцам. Для спасения положения в район Выселки – Кореневская командование бросило все наличные силы, в том числе и группу Кутепова от Куцевки и Сосыки. В тяжелых боях 28 июля – 2 августа потери были велики, в частности, по оценке современника, «лег весь цвет Марковского офицерского полка». Но 3 августа 1918 года Екатеринодар был взят.

Буквально через несколько дней, как только Добровольцы заняли Новороссийск, Кутепов получил назначение Черноморским генерал-губернатором и 13 августа приступил к исполнению обязанностей. Оно может быть воспринято как свидетельство сложности политической ситуации в Добровольческих кругах: именно в августе группа Гвардейцев во главе с Кутеповым, по свидетельству В. В. Шульгина, открыто поддержала монархические выступления последнего, заявив: «Теперь мы знаем, за что мы боремся!» – и вызвав неудовольствие Деникина. Впоследствии Главнокомандующий, не указывая даты, но явно имея в виду этот случай, вспоминал, как «Кутепов на почве брожения среди гвардейских офицеров, недовольных “лозунгами” армии, завел речь о своем уходе», но после уговоров остался. Напрашивается предположение о каком-то конфликте, возможно, не без участия либерально настроенного начальника Штаба Армии, генерала И. П. Романовского, враждовавшего с ярким монархистом полковником М. Г. Дроздовским. В свете этого отправка Кутепова на тыловую должность могла означать не желание А. И. Деникина и М. В. Алексеева вручить власть твердому прагматику или побережь верного сторонника в условиях нарастающей ожесточенности боев, а стремление пригнать противостояние или даже «почетную ссылку»...

Административно-хозяйственный опыт Кутепова прежде ограничивался уровнем командира полка, но на его стороне были трезвый житейский расчет, решительность и кристальная честность. Почти не взаимодействуя вначале с деморализованными местными чиновниками, губернатор всеми силами старался избежать пороков традиционной бюрократии. Смело ломая обычаи, своим приказом он образовал первое в России подлинно бессловное земство; это стало признанием реальности и необратимости послепевральских перемен в стране. Твердой рукой Кутепов подавлял враждебные режиму движения, прежде всего, разумеется, большевицкие. Говорили, что в Новороссийске виселице пустовать не доводилось; но на нее чаще попадали дезертиры,

Смотр 2-му Корниловскому ударному полку. Слева направо: командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, командующий полком капитан Я.А. Пашкевич, адъютант Май-Маевского капитан П.В. Макаров. Ростов-на-Дону, июнь 1919 года

бандиты и мародеры, и потому большинство горожан, побаиваясь грозного полковника, все же жило спокойно. Жители проникались даже благодарностью за постоянные отмены Кутеповым денежных взысканий, которые пытались накладывать на население наиболее ретивые чинуши. В довершение всего Губернатор пресек попытки вывоза немцами из города закупленного сырья и не пропускал их в Штаб Добровольческой Армии, выполняя распоряжение командования – «Никакого сотрудничества с немцами».

Осуществляя в своей «Кутепии», как стали называть Черноморское генерал-губернаторство, типичную военную диктатуру – единственно возможную линию в тех условиях, – Александр Павлович не обращал никакого внимания на резкую критику либеральной интеллигенции. Скрытую антипатию проявляли и торгово-финансовые круги, лишённые возможности обогащаться путем хищений и спекуляций, столкнувшись с аскетизмом и неподкупностью Кутепова, который за предложение взятки повесил бы любого. Доказательством щепетильной порядочности генерал-губернатора служит отсутствие порочащих его слухов – в отличие от появлявшихся впоследствии многочисленных красочных описаний, достоверных или выдуманных, шумных кутежей генералов В. З. Май-Маевского или А. Г. Шкуро.

В Новороссийске же Кутепов неожиданно для самого себя был очарован молоденькой дочерью коллежского советника Лидией Давыдовной Кют (несмотря на немецкую фамилию, Православного вероисповедания) и женился на ней. А 12 ноября 1918 года он получил приказ о производстве в генерал-майоры – за боевые отличия.

Между тем Добровольческая Армия, после объединения с Донской под общим командованием генерала Деникина и наименованием Вооруженных Сил Юга России, в результате этого объединения была втянута в изнурительные кровопролитные бои в Донецком бассейне. Красная Армия становилась организованной силой, Добровольцы же не имели резервов и были весьма скудно снабжены и обмундированы, что особенно сказывалось в условиях сильных морозов. 13 января 1919 года состоялось назначение А. П. Кутепова командующим 1-м армейским корпусом вместо генерала Б. И. Казановича. В январе – марте отряды Добровольческой Армии сдерживали натиск противника в районе Дебальцево – Таганрог; с 15 апреля Кутепов воевал на Царицынском направлении, а 6 мая прибыл под Ростов.

Он не скрывал радости от назначения (ибо генерал-губернаторская деятельность была для него все-таки чуждой), хотя фронт ему достался почти безнадежный. В те дни на всех, с кем он встречался, «небольшого роста, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека». Он сразу же взял корпус в свои железные руки и смог воодушевить потрепанные полки категорической требовательностью и деловитым спокойствием. Враг понял опасную силу личности Кутепова, и следствием стала «адская машинка», подброшенная в генеральский вагон. А в умах и сердцах Добровольцев весенние успехи (напор красных ослабел, и они были отброшены от Ростова) связывались исключительно с новым командиром: «Кутепов объезжал части и говорил о предстоящем походе. От него веяло уверенностью в победе. “Не надейтесь на танки, – говорил он, – дело не в технике, а в силе духа”».

Уже 22 мая Добровольцы взяли Славянск, смяв советские VIII-ю и XIII-ю армии. Одновременно с ударами в западном направлении конницы генерала Шкуро Кутепов стремительно сбивал оборонявшегося противника и наступал на Харьков, сам ежедневно выезжая на разные участки боевой линии. 10 июня 1-й армейский корпус взял Белгород, а приданная ему Терская дивизия 11-го охватила Харьков с северо-запада и севера. На подступах к городу особенно ожесточенные бои гремели уже пятый день. 11 июня собранный в кулак Дроздовский полк смял противника. «Красные толпами кинулись в город. На плечах бегущих мы ворвались в Харьков. Уже мелькают бледные вывески, низкие дома, пыльная мостовая окраины, а люди в порыве атаки все еще не замечают, что мы уже в Харькове. Большой город вырос перед нами в мареве. Почерневшие от загара, иссохшие, в пыли, катились мы по улицам...» – вспоминает полковник-Дроздовец. После упорных уличных боев Харьков был взят окончательно. За пять недель корпус Кутепова прошел 300 верст сквозь огонь непрерывных сражений. Наградой Александру Павловичу стало производство 26 июня в генерал-лейтенанты за боевые отличия.

А 20 июня генерал Деникин объявил так называемую «Московскую Директиву», отводившую Добровольческой Армии главную роль и самый широкий фронт в предстоящем наступлении на Первопрестольную – от Киева на западе до Ливен и Ельца на востоке, протяженностью до 600 верст. До второй половины июля велись незначительные бои – войска собирались с силами. 1-й армейский корпус, чье движение планировалось на острие удара – на Курск – Орел – Тулу – Москву, активно пополнялся невиданным ранее (хоть и все равно недостаточным) числом добровольцев; еще большим было количество

мобилизованных. Формировались новые части – 2-й Корниловский ударный и 2-й Офицерский генерала Маркова полки. Находясь в Харькове, командующий корпусом настойчиво добивался у торгово-промышленных кругов средств для снабжения войск, одновременно карая подчиненных за мародерство.

Марковцы продолжали считать Кутепова однополчанином и преподнесли ему полковую форму. Генерал ответил телеграммой: «Сегодня получил форму доблестного Марковского полка, которую буду с гордостью носить. От всей души благодарю Вас. Прошу передать славным марковцам мою благодарность... *Кутепов*».

Сигналом к началу наступления стало сообщение корпусной разведки. По ее данным, сильная группа противника под командованием бывшего генерала В. И. Селивачева готовилась нанести 3 августа сильный удар на Харьков – с северо-запада через Готню и с северо-востока через Купянск. Александр Павлович сразу оценил важность попавшей в его руки информации, уловив, что она дает возможность перехватить инициативу. Со своеобразным юмором он заметил докладывавшему: «Смотрите, повешу вас, если вы напутали», – и без промедления начал действовать.

На три дня упредив противника, 1-й армейский корпус нанес удар на северо-запад, отрезав друг от друга XIII-ю и XIV-ю армии красных, и, нанеся крупное поражение, отбросил их уже разрозненные части. Затем Кутепов, желавший пока лишь прикрыть Харьков, сконцентрировал силы у Белгорода. Но большевики ударом от Воронежа потеснили левый фланг Донской Армии и захватили Волчанск, Купянск и Валуйки, выйдя к 14 августа в тыл Добровольцам и приблизившись к Харькову на расстояние в 40 верст. Быстро перегруппировав силы, командование Добровольческой Армии ответило ударом кутеповского корпуса (от Белгорода) и конницы Шкуро. В красном же тылу, в окрестностях Воронежа, в конце августа появился 4-й Донской корпус генерала К. К. Мамантова. Смяв противника, 1-й армейский корпус устремился на Курск. Его продвижение казалось неудержимым.

В начале сентября корпус наголову разбил в общей сложности двенадцать советских полков и уже 7-го занял Курск, оставленный Красной Армией без боя. Заметим, что Кутепов строго запретил самовольный захват города, но это все же произошло по инициативе начальника 1-й дивизии генерала Тимановского. Александр Павлович, понимая, что быстрое отступление противника без упорной обороны может быть маневром, опасался фланговых ударов и поэтому сделал Тимановскому выговор за ослушание; но Деникин, фактически поощряя тем самым беспорядок партизанщины, напротив, произвел «ослушника» в генерал-лейтенанты... В Курске Кутепов принял большой парад 1-й дивизии. Тогда же началось разворачивание «именных» полков (Корниловского, Марковского, Дроздовского) в трехполковые дивизии, правда, в основном за счет возвращавшихся из госпиталей раненых.

Атмосфера в городе казалась старым Добровольцам чуждой – не было радости и доверия: «Курск не походил на Ростов и Новочеркасск, в городе ощущался микроб “советчины” и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространенные среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом зале бывшего “Дворянского собрания”, с погруженными в темноту гостиницами, часто бывали балы. Офицеры, бывшие в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих пол-

ков. У них не было ни наших традиций, ни нашего боевого духа», – с горечью отмечал поручик Марковец. Впрочем, приведенные факты указывают не столько на занесенность «моральной заразы», сколько на повышение восприимчивости к ней, то есть на нравственные деформации чинов Армии – под влиянием как пополнений, так и самой обстановки непрерывных тяжелых боев. Накапливалось сильнейшее нервно-психическое напряжение, снять которое подчас стремились любым путем, а занятие большого города давало лишь средства для этого... И новая опасность не менее, чем оперативная обстановка, вынуждала командование форсировать наступление.

Перегруппировка велась быстро. Определелись три самостоятельных направления: на Дмитриев-Льговский – Дмитровск-Орловский – Брянск, на Орел – Тулу и на Елец. Первое отводилось Дроздовской дивизии генерала В. К. Витковского, в которой только что был сформирован третий полк, усиленной бронечастями (6000 пехотных, 700 сабель, 20 орудий, 112 пулеметов, 6 бронепоездов и 3 танка). На вспомогательном елецко-ливленском участке действовала самая малочисленная Сводная дивизия генерала Третьякова (4 700 пехотных, 700 сабель, 26 орудий, 122 пулемета, 4 бронепоезда и 3 танка). Наконец, на решающее орловское направление выдвигалась Корниловская дивизия⁵⁴, с подчиненными ее начальнику полковнику Скоблину частями насчитывавшая свыше 8000 пехотных; из этого числа около 3200 пехотных и 500 сабель с 17 орудиями наступали вдоль полотна железной дороги Курск – Орел, а 1200 пехотных и 50 сабель при 24 пулеметах, 9 орудиях, с 2 бронеемобилем и 3 танками – по шоссе Курск – Кромы – Орел. В самом Курске оставались Штаб корпуса и, в качестве резерва, два новосформированных полка.

К концу сентября рвущиеся на Орел Корниловцы рискованно оторвались от наступавшей слева на Дмитровск Дроздовской дивизии на 60 верст, так что связь между ними поддерживалась случайными разъездами. Фронт Корниловской дивизии растянулся на 160 верст (то есть в среднем 50 человек на версту); красное командование попробовало отсечь ее фланговым ударом, но потерпело неудачу. Залогом взятия Орла было овладение городком Кромы – узлом шоссе на Орел и Дмитровск, и после маневренных боев 24–26 сентября 2-й Корниловский полк вошел в Кромы 27-го. Тем самым обеспечивалась более устойчивая связь с Дроздовцами. Штаб Добровольческой Армии, получая данные о переброске крупных резервов противника, продолжал настаивать на скорейшем захвате Орла, и Кутепов, из корпуса которого забрали шесть полков для борьбы с махновцами, на совещании рассудительно говорил: «Я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, то я не смогу маневрировать... А мне все-таки приказали взять Орел».

На следующий день Корниловцы были уже в 20 верстах от города. Благодаря переходу к ним начальника Штаба советской 55-й дивизии, бывшего Генерального Штаба полковника Лаурица, эта дивизия легко была разгромлена. За 29–30 сентября 1-й Коммунистический полк отбил несколько атак, но был в конце концов смят 3-м Корниловским. 30 сентября к 4 часам пополудни в Орел вошел и 1-й полк дивизии. Конные разъезды достигли Мценска, где был захвачен и расстрелян комендант городка, бывший генерал Сапожников.

Войска стремились вперед. Но сами строевые командиры чувствовали шаткость этого порыва из-за моральной ослабленности личного состава, ибо идейных первоходников оставалось все меньше. Вспоминает помощник на-

чальника Корниловской дивизии: «В армии осталось так мало тех рыцарей, которые брали Курск и Орел для России, для Москвы, все же остальные атаковали Курск и Орел каждый для себя, и если и погибали иногда, то совсем не во славу армии. Низменные инстинкты руководили ими при взятии городов, психоз наживы и разврата гнал их в бой, и здесь они боялись опоздать. При взятии мною города Орла я шел с полком позади тучи мародеров, которые гнали перед собой большевиков и, конечно, при захвате города предавались своей необузданной страсти, предоставив в дальнейшем воинским частям преследовать большевиков. В эту вооруженную, страшную и опасную тучу мародеров входили все бежавшие из полков всех фронтов, все считающие себя на другое время инвалидами и больными, всех тыловых учреждений лишние чины... Добровольческой армии, открыто говоря, — не было, так как не было устоев...»⁵⁵

Неудивительно, что местное население, к тому же долго находившееся под влиянием большевицкой пропаганды, порой проявляло враждебность. В то же время позорные выходки чинов корпуса решительно пресекались (заметим, что в условиях непрерывных боев для этого и времени-то, по существу, не было), причем под военно-полевой суд и расстрел попадали в случае провинности и первопоходники. Вопреки расхожему мнению, возвращение земель помещикам в центральных губерниях в силу хотя бы краткосрочности овладения ими зачастую не успевало произойти и не становилось главной причиной неудач. Более того, строевые командиры нередко попросту приказывали крестьянам «не обращать внимания на требования всяких там помещиков». В Орловской губернии «крестьяне встретили Добровольческую армию очень хорошо»; накануне ее прихода вспыхивали антисоветские мятежи (в Елецком уезде в них участвовало 20 000 человек); по свидетельству Г. К. Орджоникидзе, при отступлении красных «имели место случаи нападения на наши обозы». За все это время на фронте Корниловской дивизии к белым перебежало, по некоторым данным, около 8000 красноармейцев, большинство которых добровольно пополнили ее ряды. В Ливнах Марковцев встретили цветами, а они подкармливали голодных горожан из своих полевых кухонь.

* * *

Между тем буквально сразу после взятия Орла опасения Кутепова начали оправдываться. Северо-западнее города концентрировались многочисленные свежие части противника, а специально образованная Ударная группа красных 1–2 октября овладела Кромами, создав угрозу левому флангу и тылам Корниловцев. Один батальон Самурского полка Дроздовской дивизии был полностью уничтожен. Отныне центр тяжести боев переместился под Кромь. Кутепов колебался, выбирая решение новой задачи.

Молодой, честолюбивый и прагматичный начальник Корниловской дивизии полковник Скоблин предложил свой план, упорно настаивая на его принятии. Он предлагал, пользуясь безопасностью правого фланга корпуса, растянуть фронт разворачиваемой Алексеевской дивизии от Ливен до Орла, а созданный на основе его Корниловцев кулак бросить на Кромы и разбить группу красных. Конечно, идея Скоблина вызывалась желанием не только обеспечить кромский фланг, но и отвести собственную дивизию из-под Орла, где она топталась почти без результата, но с угрозой попасть в окружение. Однако Кутепов этого предложения не принял и ограничился полумерами: Корниловская дивизия, отправив к Кромам лишь 2-й полк, фактически оставалась бездействовать под Орлом, а наступление советской Ударной группы нейтрализовывалось активными маневрами Дроздовской дивизии в районе Дмитровска. Вспоминает Дроздовец, тогдашний командир батальона: «По тылам большевиков я должен был идти более сорока верст до села Чортовы Ямы – на него наступали самурцы, – а оттуда, описав петлю, вернуться в Дмитровск. Пять дней и ночей, тесно сомкнувшись, без всякой связи со своими, мы шли, охваченные большевиками со всех сторон. Мы несли раненых с собой и пополняли патроны и снаряды только тем, что брали с боя. Тогда мы вовсе не думали, что нашему маршу по тылам суждено было задержать весь советский натиск...»

Отказавшись от плана Скоблина, Кутепов предотвратил окружение Корниловцев в Орле, но, разобщив части корпуса и ведя мелкоманевренные изнурительные бои, продемонстрировал отсутствие тактической смелости и широкой инициативы, то есть рутинность оперативных методов. Затягивая бои, 1-й армейский корпус терял время, и впоследствии Скоблин прямо оценивал решение Кутепова как ошибочное. В итоге против войск корпуса выдвинулось 25 только стрелковых полков красных, не считая кавалерии и прочих частей. Характерно, что и при перевесе сил большевики использовали в качестве ударных Латышскую и Эстонскую дивизии, китайские части, загадочный «Еврейский коммунистический полк» (упоминаемый в журнале боевых действий Корниловцев), а также «Червоное Казачество», – войска, этнически и территориально чуждые местному населению. При этом в равной мере сказывались как ограниченность людских ресурсов Центральной России после ряда мобилизаций, так и неуверенность большевиков в «надежности» ее жителей.

К 6 октября командованию советского Южного фронта удалось нейтрализовать действия Дроздовской дивизии и нанести удар непосредственно на Орел с запада. Верно оценив угрозу окружения, полковник Скоблин своей властью в ночь на 7 октября приказал оставить город. Сдерживая наступавших эстонских стрелков заслонами своего 2-го полка, Корниловская дивизия ловко оторвалась от преследования и отошла к югу. Противник же, войдя в Орел, потерял там целые сутки. Командующий советской XIV-й армией И. П. Уборевич считал цель операции не достигнутой, ибо разгрома Корниловцев не получилось.

В создавшихся условиях Кутепов отдал приказ, весьма слабый с точки зрения тактики: одновременно готовить новый бросок на Орел и овладеть Кромами, то есть нанести два удара в расходящихся направлениях. Вместе с тем дробление сил корпуса позволило ему создать две подвижные группировки, малочисленные, но удобные для маневрирования. В то же время отсутствие единой задачи отнимало последние возможности переломить ход событий.

Заметим, что и советская группа войск тоже получила приказ наступать по расходящимся направлениям – на Дмитровск и на Фатеж, но она численно превосходила 1-й армейский корпус.

Южнее Орла, у станции Становой Колодезь, 8–9 октября закипели кровопролитнейшие бои: собранная воедино Корниловская дивизия бросалась в повторные лобовые атаки и несла страшные потери. Интенсивность огня противника была такова, что у множества винтовок и нескольких пулеметов, перегреваясь, плавилась стволы... 10 октября Дроздовцы и Самурцы после двухдневных боев заняли Кромы, а Корниловцы ворвались на станцию Стишь в непосредственной близости от Орла. В течение двух следующих дней Добровольцы были обескровлены: в некоторых ротах Корниловской дивизии осталось по тридцать штыков. 13 октября Дроздовская дивизия оставила Дмитровск. Кромы оборонял 3-й Марковский полк, но ночью, когда многие офицеры злоупотребили спиртным, противник ворвался в городок; к утру два батальона Марковцев были разгромлены, а остатки полка выбиты из Кром. Это означало прорыв фронта и угрозу Корниловцам под Орлом. В сочетании с прорывом конницы С. М. Буденного на стыке Добровольческой и Донской Армий, взятием 8 октября Воронежа и движением на Касторную, положение складывалось катастрофическое. Кутепов наконец-то перебросил войска к Кромам, но опять частично. 1-й и 3-й Корниловские полки с боями отходили на юг; «за трое суток Корниловская дивизия потеряла треть своего состава», – отмечал Скоблин. Вспоминая предыдущие потери, общее их число можно оценить минимум в две трети от первоначальной численности. Противнику тоже дорого обходился успех – так, Латышская дивизия сократилась на 40–50%, а бригада «Червоных Казаков» – на треть.

С 14 октября Дроздовцы начали попытки вернуть Дмитровск. До 19 октября Кутепов надеялся сохранить свой правый фланг, перемещая часть войск в район Ливен. А с 20 по 23 октября, прорвав фронт на стыке Корниловской и Дроздовской дивизий, по их тылам устремилась в глубокий рейд полуторатысячная «червоно-казачья» группа В. М. Примакова, надев погоны и выдавая себя за конницу Шкуро. Пройдя 120 верст, разгромив тылы и склады в Фатеже и Понырях и взорвав железную дорогу, «Червонцы» попутно, пользуясь своим маскарадом, выявляли среди населения сочувствующих белым и расправлялись с ними. Добровольцы «ненавидели Червоную дивизию смертельно».

Потеряв связь со Штабом корпуса, Скоблин повел дивизию к шоссе Фатеж – Кромы, чтобы, продвигаясь по нему, избежать окружения и затем выйти на Курск. В ночь на 24 октября «Червонцы» разгромили 3-й Корниловский полк, из которого спаслась лишь часть офицерской роты, вскоре присоединившаяся к основной группе. А 25 октября контратаки Корниловцев были сломлены; красная конница уничтожила пять батальонов дивизии (фактиче-

ски – 2-й полк и остатки 3-го), однако Скоблин сумел вывести к Курску 1-й полк и другие разрозненные части. Новый рейд Примакова 1–6 ноября нанес серьезный урон Дроздовцам, чей 3-й полк был разгромлен; многие офицеры во избежание плена покончили с собой. Огрызаясь яростными контрударами, Дроздовская дивизия отходила на юг. 2 ноября на правом фланге Добровольческой Армии Буденный взял Касторную, нанеся поражение отброшенной от Ливен Сводной дивизии. Кутепов докладывал командующему Армией: «Под натиском превосходящих сил противника наши части отходят на всех направлениях. В некоторых полках Корниловской и Дроздовской дивизий осталось по двести штыков... Потери с нашей стороны достигают восемьдесят процентов...» И Кутепов, и Май-Маевский выехали на фронт.

Орловско-Кромское сражение обескровило 1-й армейский корпус – ударную силу Добровольческой Армии и всех Вооруженных Сил Юга России. Инициатива перешла к противнику. Интересно, что советский военный историк, бывший Генерального Штаба подполковник Н. Е. Какурин, считал успех «похода на Москву» в принципе достижимым, а причину неудачи видел в излишней разбросанности действий: при более «грамотном» наступлении (разбивая противника по частям, отбросив XIV-ю армию в брянские леса) шансы Добровольцев существенно возросли бы. Теперь же главным итогом поражения стал общий надлом физических и моральных сил, которые в ходе летне-осеннего наступления были напряжены чрезвычайно и безрезультатно.

Ко второй половине ноября 1-й корпус насчитывал всего 2600 штыков. Корниловские полки фактически превратились в батальоны, Дроздовские – в роты, 2-й и 3-й Марковские и Алексеевская дивизия представляли собою лишь кадры для новых формирований и были отведены в тыл. Кутепов, теснимый с фронта и охватываемый конницей Буденного справа, прикрывал Харьков; упорные бои велись в непосредственной близости от города. Главное Командование – увы, слишком поздно – решило сместить командующего Добровольческой Армией генерала Май-Маевского как очевидно неспособного навести порядок и подающего отрицательный пример в морально-бытовом отношении (возможно также, что просто требовался «козел отпущения»). Новым командующим стал генерал П. Н. Врангель. В первом же приказе он заявил: «Ограждая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы, – погромы, грабежи, насилие, произвол и пьянство будут беспощадно караться мною».

Дело в том, что при крайней малочисленности боевых частей в тылу находилось множество воинских чинов, прежде всего офицеров, которые всеми силами стремились избежать фронта. Устраиваясь на чисто номинальные должности, они делали своим главным занятием реквизиции и спекуляции: например, в результате одной «операции» на фронт вместо патронов попала мороженая рыба. Фронтвики негодовали и требовали принудительной широкой мобилизации «тыловой сволочи». В то же время штабы мало заботились или не заботились вообще о довольствии войск, вынуждая их пользоваться исключительно местными средствами, то есть брать все необходимое у населения. Фронтвики тоже входили во вкус, и начинались грабежи с последующей перепродажей захваченного. Армия развращалась; понимая опасность, Врангель и принимал меры.

Кутепов, прежде озабоченный только боеспособностью корпуса, теперь с готовностью исполнял новое распоряжение (апологеты вообще приписывали ему инициативу этого). «Там, где я командую, грабежей быть не может!» – за-

явил он. В Харькове, где оставалось много ценных грузов, привлекавших массы мародеров, командир корпуса «приказал своему конвою и охранной роте обходить город и каждого грабителя вешать на месте преступления. Разбои стихли...» Мешочники и грабители панически боялись грозного генерала, и достаточно было крикнуть: «Кутепов идет!» – как любая толпа мародеров бросалась врассыпную. Конечно, неподкупно честный генерал был единокрушен с новым командующим, да и считал «моральных паразитов» виновниками неудач. Алексеевцы, проезжая станцию Мушкетную, видели, как «на телефонных столбах, превращенных в виселицы, висело несколько повешенных... На груди у каждого были прикреплены плакаты с надписью “мародер”... Как говорили, эта экзекуция над грабителями была произведена по распоряжению генерала Кутепова». Также он, не питая в душе расположения к евреям, приказывал изымать у войск погромные листки, совершенно здраво рассуждая: «Сегодня громят евреев, а завтра те же лица будут громить кого угодно другого».

29 ноября Добровольцы оставили Харьков. А 4 декабря правый фланг Армии был охвачен противником из-за бездействия Донской конницы Мамантова. Кутепову пришлось снять с фронта 1-й Марковский полк и бросить его на прикрытие прорыва, а недоформированные 2-й и 3-й полки отправить к Изюму; затем они соединились. Корниловцы и Дроздовцы отходили на юг. Деникин приказал удерживать Каменноугольный район, но, несмотря на эту директиву, отступление продолжилось. 6 декабря в лесах северо-восточнее Змиева погиб 3-й Корниловский полк, прикрывавший отход дивизии. Измотанные Добровольцы дрались самоотверженно, но с 10 декабря красные все больше и больше проникали за рубеж Северского Донца. 15 декабря главной задачей Кутепову было определено прикрытие уже ростовского и новочеркасского направлений. Против его корпуса действовало 5 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 3 кавбригады, 3 кавалерийских и 3 пехотных отдельных полка, – а вся Добровольческая Армия оказалась столь малочисленной, что 20 декабря была сведена в подчиненный командующему Донской Армией корпус, основу которого составили войска Кутепова. Врангель стал начальником резерва Главнокомандующего. Все тыловые учреждения предполагалось использовать для пополнения Добровольческого корпуса.

Под натиском превосходящих сил противника Кутепов отступил на рубеж Дона, ведя непрерывные арьергардные бои. 26 декабря красные ворвались в Новочеркасск. 28 декабря ими был занят и Ростов, – отставшие от корпуса Корниловцы ударом с севера вновь овладели городом, но уже на следующий день оставили его. Однако попытки Буденного и Думенко выйти на южный берег Дона разбились о стойкость Корниловской дивизии под Батайском. С началом 1920 года корпус получил небольшую передышку. Она была жизненно необходима, ибо у Кутепова насчитывалось всего 1763 офицера, 4638 штыков, 1723 сабли при 259 пулеметах и 63 орудиях. Войска тем не менее не только оборонялись, но и пополнялись, готовились к контрудару и даже проводили несложные учения. Пользуясь тем, что случайные и преступные элементы сами покинули Армию при отступлении, Кутепов счел своевременным резко и твердо укрепить дисциплину. «Во всем законность, всегда дисциплина», – с радостью были приняты эти требования командира корпуса... С этого момента и следовало бы считать рождение Русской армии из Добровольческого корпуса, когда впервые со времени [начала] Гражданской войны войска начали учиться военному делу», – вспоминали офицеры.

В ходе контрнаступления 7 февраля Добровольческий корпус овладел Ростовом и его пригородом Нахичеванью. Трофеями стали 22 орудия, 123 пулемета, 6 бронепоездов; более 4000 красноармейцев попало в плен. Кутепов выполнил приказ Главного Командования, хотя многие понимали бессмысленность операции, так как противник был уже в 25 верстах от Ставрополя, угрожая отрезать Добровольцев от Кубани. 16 февраля Ростов был оставлен ими вторично и окончательно. «Последнее мое воспоминание о Ростове: сыпняк, серая вша, заколоченные пустые магазины, разбитое кафе “Ампир”», – читаем мы в записках Дроздовца. Кутепов упорно отбивал натиск советской VIII-й армии, но поспешное отступление Донцов обнажило его правый фланг. Вынужденный неожиданный отход принес Добровольцам большие потери: так, у станции Ольгинской вторично была почти полностью уничтожена Марковская дивизия. Это привело к такому всплеску враждебности к казакам, что Главнокомандующий почел за благо изъять кутеповский корпус из оперативного подчинения командующему Донской Армией, опасаясь открытого столкновения, и подчинил его лично себе. 27 февраля началась эвакуация за Кубань, а уже 3 марта Добровольческий корпус сосредотачивался возле Екатеринодара. Близилась агония...

* * *

Ввиду деморализации казачества Деникин, по его собственному признанию, «главной своей опорой считал добровольцев... С ними кровно и неразрывно связывал я судьбу всего движения и свое дальнейшее участие в нем. Я верил, что тяжелые испытания, ниспосланные нам судьбою, потрясут мысль и совесть людей, послужат к духовному обновлению армии, очищению Белой идеи от налипшей на нее грязи». Основания для такого мнения, бесспорно, были: у Кутепова «хотя отдельные эпизоды неустойчивости, дезертирства мобилизованных и сдачи их большевикам имели место в рядах корпуса в последние недели, но основное ядро его являло большую сплоченность и силу. Части находились в руках своих командиров и дрались доблестно. Затерянные среди враждебной им стихии, добровольцы в поддержании дисциплины, быть может, более суровой, чем прежде, видели единственную возможность благополучного выхода из создавшегося положения».

Ситуацию в корпусе Главнокомандующий оценивал верно. Но он не учитывал изменившегося за последние месяцы отношения Добровольцев к Ставке. Строевые офицеры либо были уже неспособны к «духовному обновлению» без решительного дисциплинарного воздействия, либо начинали думать, что грязь на Белое Дело налипла не сама по себе, а прежде всего по попустительству именно Деникина. Неприязнь вызывала и защита Главнокомандующим ненавистного многим начальника Штаба генерала Романовского, которого группа Корниловцев собиралась попросту убить. Кутепов же, ощущая силу своего корпуса и настоятельную потребность в нем Главного Командования, желал, чтобы исключительность положения и значения Добровольцев была теперь признана официально. По сути, это означало претензию на «преторианство», что и прозвучало в его телеграмме-ультиматуме от 23 февраля:

«События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка

повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев, Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с ним, от окончательного распыления и истребления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу, с тем чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же, и во всяком случае не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых четырьмя наличными миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса [и] офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнестрельных припасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов⁵⁶, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не ставшие в строй, хотя бы категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорта одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская – Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская – Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определиться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наиболее выгодные условия интернирования или же поступления корпуса на службу целой частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину.

10. Все изложенное выше отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе, и если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимое успокоение и придаст им еще большую стойкость.

Кутепов»

Этот демарш вызвал окончательное решение Деникина оставить свой пост, и возможно, что Кутепов и предполагал такое следствие. На саму же телеграмму Деникин ответил по пунктам, последний из которых гласил: «Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными». Кутепов, прибывший в Ставку через несколько дней, в беседе с Деникиным сожалел о своем шаге, объясняя его нервной атмосферой в корпусе. «Только искреннее желание – помочь Вам расчистить тыл – руководило мною», – сказал он.

11 марта Добровольческий корпус начал движение на Новороссийск. «На вокзале горели склады, взрывались бронепоезда и снаряды, – вспоминал очевидец, – грабежи складов в городе, большое скопление войск на пристани и массы лошадей, бродящих по городу и возле пристани, – все это говорило о кошмаре и ужасе, которые творились здесь». Кутепов ввел патрулирование офицерскими частями, вылавливая уклоняющихся от мобилизации и расстреливая грабителей. Особенно рьяно действовали Марковцы, крайне непримиримые после гибели дивизии: их пикеты «стали останавливать прохожих на улицах, отбирать паспорта, бумажники, документы, говоря: придите завтра в такой-то взвод, вас зачислят рядовым. Публика взывала...» Начальником обороны Новороссийска стал Кутепов. 13 марта он доложил, что нервное настроение войск не позволяет оставаться в городе и что ночью надо начать эвакуацию.

В связи с ограниченностью числа судов Деникин приказал при погрузке отдавать предпочтение Добровольческому корпусу (что ранее приписывалось только самоуправству Кутепова). Но иного решения Главнокомандующий, находясь в непосредственной зависимости от Добровольцев, принять и не мог. Выставив оцепление из офицерских рот Корниловцев и Дроздовцев, Добровольческий корпус грузился на суда. Казаки, многие из которых были оттерты от пристаней, дико ругались, но так и не решились добиваться погрузки силой (несколько тысяч их было все-таки переправлено в Крым, составив там Донской корпус). Добровольцы вплотную друг к другу стояли на палубах, а сверху лебедки опускали все новые партии людей. Некоторые транспорты, опасаясь перегрузки, рубили концы и уходили. То тут, то там глухо звучали револьверные выстрелы – отчаявшиеся кончали самоубийством.

Когда последние суда покидали рейд, Кутепов узнал, что часть чинов Дроздовской дивизии остается, так как не хватило места. Решение пришло мгновенно: командир корпуса принял остающихся на миноносец «Пылкий», на котором находился его Штаб. Трижды под огнем уже вошедшего в город противника Кутепов возвращался к молу, подбирая людей, доставлял их на суда на внешнем рейде и вновь возвращался. Наконец, и нагруженный свыше всяких допустимых пределов «Пылкий» взял курс на Крым. Приближался

рассвет 14 марта. Последним из Добровольцев Новороссийск покинул, как того и требовал долг, Кутепов.

Чуть ли не в первый же день в Крыму Кутепов, судя по его докладу Деникину, получил приглашение генерала Слацова прибыть к нему в штаб. Командир Крымского корпуса заявил Александру Павловичу о всеобщем недовольстве Главнокомандующим и готовящемся 23 марта совещании представителей Армии, Флота, духовенства и населения, которое «попросит» Деникина сдать командование. Слацов якобы пригласил Кутепова принять участие в этом совещании, ссылаясь на отрицательное отношение к Главнокомандующему и в Добровольческом корпусе; Кутепов же отказался, заявил о лояльности своих войск Деникину и тотчас отбыл в Феодосию, где и поставил последнего в известность о случившемся. Такова версия командира Добровольческого корпуса.

Однако она вызывает сомнения. Помимо того, что Слацов в воспоминаниях не рассказывает об этом эпизоде, он прямо указывает на стремление Кутепова стать на место Деникина, приписывая Александру Павловичу склонность к интригам, а неудачу этого замысла объясняет отсутствием чьей бы то ни было поддержки. Надо учитывать недоброжелательность двух командиров корпусов по отношению друг к другу, но как раз поэтому мы не вправе отдавать исключительное предпочтение версии одного из них. Допустим, что Кутепов и правда желал заставить Главнокомандующего уйти и рассчитывал занять его пост; тогда сообщение о тональности разговора со Слацовым оказывается ложным, но очень ловким, поистине беспроегрышным ходом. Во-первых, информация о «всеобщем недовольстве» толкала впечатлительного Деникина на уход. Во-вторых, очернялся Слацов, которого также считали претендентом на власть. В-третьих, сам Кутепов, немедленно докладывающий о «происках» Слацова, оборачивался прямо-таки столпом верности. В случае такого хода Александра Павловича никак нельзя считать прямолинейным и неумным «фельдфебелем», как думали многие (признавая в то же время его чрезвычайную скрытность). Подтверждением нашего предположения может стать и нелогичность Слацова, несмотря на неприязнь к Кутепову будто бы избравшего его поверенным своих замыслов и даже союзником. С другой стороны, сами по себе консультации могли иметь место, а сообщить о них Деникину Кутепова было способно заставить недоверие к «сопернику» — Слацову.

Деникин сообщению Кутепова поверил и именно с ним стал обсуждать план дальнейших действий, что можно расценить как преимущественное доверие и особое положение командира Добровольческого корпуса. Кутепов доложил, что настроение двух его дивизий — вполне удовлетворительное (Дроздовской и Корниловской соответственно), двух же — неблагоприятное. Он предложил не допустить никакого совещания, а мнение старших командиров выяснить, вызывая их в Ставку. И здесь можно увидеть его расчет: поставить Деникина перед лицом всеобщего недоверия, но самому быть рядом и надеяться — в роли верного советника — на передачу власти. Но Главнокомандующий разом спутал все карты, без ведома Кутепова предоставив созываемому военному совету право указать преемника.

Отсюда становится объяснимым и странное, на первый взгляд непоследовательное поведение Александра Павловича в день открытия заседаний. Было устроено предварительное совещание старших начальников Дроздовской дивизии, где, по свидетельству его участника, «было единогласно решено просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Подошедший позже Кутепов заявил о твердом

решении Деникина оставить свой пост, но это не поколебало единодушия Дроздовцев: «У всех нас было впечатление, что генерал Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выраженного ему недоверия... Нам было совершенно непонятно поведение генерала Кутепова, а потому большинство ушло с заседания неприязненно настроенными против него». То же повторилось и на совещании всех старших начальников корпуса. «Генерал Кутепов сидел грустный, как бы подавленный, и неоднократно заявлял о твердом решении генерала Деникина... Невольно вспомнились слухи о его неладах с генералом Деникиным и о “подкапывании”. Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснений молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению» командира корпуса.

Думается, ларчик открывается просто, если исходить из нашей версии. Значительную часть военного совета составили начальствующие лица Добровольческого корпуса, а окрестности дворца, где они собрались, патрулировали офицерские роты и пулеметные команды Дроздовской дивизии. В таком положении выбор мог пасть на Кутепова. Но неожиданным препятствием стало упорство, с которым начальники частей держались за Деникина. Дроздовцы вообще прямо заявили, «что никого не признают, кроме Деникина, а всякого другого расстреляют». В этом случае подавленность командира корпуса вызывалась крушением надежд. Сам же он обосновывал свое поведение так: видя неизбежность ухода Деникина, «полагал необходимым подготовить к решению этого тяжелого вопроса, поэтому считал нужным предупредить старших начальников... Я отлично сознавал, что заменить генерала Деникина никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно».

На заседании Военного совета Добровольцы вначале помалкивали, и лишь когда первый сумбур улегся, Кутепов осознал: на карту поставлен его авторитет среди подчиненных, и необходимо проявить единодушие с ними. Он встал и внушительно заявил о доверии Главнокомандующему, невозможности для себя принять участие в выборах и категорическом отказе от этого. Его поддержали все представители корпуса, и была даже подготовлена соответствующая телеграмма Деникину. Тем самым, пусть и ценой уступки, Кутепов не только сохранил, но и усилил влияние на Добровольцев. А после получения на следующий день приказа Главнокомандующего о назначении Врангеля – оставалось лишь подчиниться, тем более что старшие генералы, собранные на закрытое заседание, были уже разобщены с подчиненными. Но и тогда фактически это означало лишь *согласие* признать нового вождя.

* * *

Врангель с первых дней своего пребывания на посту Главнокомандующего учитывал значение отношения к себе Добровольческого корпуса и лично Кутепова и действовал соответственно. Он всячески демонстрировал расположение к Александру Павловичу и, по некоторым сведениям, обещал возродить Добровольческую Армию под его командованием. Сближению генералов помогло и одинаковое отношение к командованию Донского корпуса, которое Врангель при поддержке Добровольцев объявил «оппозиционным» и фактически разгромил. Завоевывая признание ядра Добровольческого корпуса, 26 марта Главнокомандующий произвел двадцатисемилетнего начальника Корниловской дивизии Скоблина в генерал-майоры (чего не хотел делать Деникин), а парад в Севастополе принес примирение Врангеля с Дроздовцами, которые «качали его и иступленно кричали “ура!”».

*Орден Святителя
Николая Чудотворца
II-й степени*

Кутепов железной рукой «приводил в чувство» свой корпус, чины которого часто вели себя разнузданно. Так, офицеру – вчерашнему юнкеру ничего не стоило за неимением спичек в кармане полезть на столб, чтобы прикурить от уличного фонаря. В столь невинном случае дело ограничивалось дисциплинарным взысканием. За дебош в пьяном виде несколько Алексеевцев было разжаловано в солдаты. Штатские очевидцы, – возможно, преувеличивая, – отмечали, что командир корпуса беспощадно вешал «офицеров и солдат старейших добровольче-

ских полков чуть ли не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность генерала Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце таких размеров, что вызвала решительный протест представителей Симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным г[осподином] Кутеповым улицам»⁵⁷. Считая, что «фонарные мероприятия» мало укрепляют дисциплину, те же свидетели не могли все-таки не признавать: «Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены». Для спасения «в бою незаменимых, в тылу невыносимых» от скорой расправы командиры частей иной раз числили привлекаемых к суду в списках убитых. Полностью поддерживая стремление Кутепова искоренить бандитизм и восстановить дисциплину, Врангель все же счел его меры чрезмерными и запретил внесение в военно-полевые суды дел по одному усмотрению местного начальника.

В мае Добровольческий корпус был пополнен и преобразован, вновь получив название 1-го армейского (Корниловская, Марковская, Дроздовская, 1-я кавалерийская и 2-я конная дивизии), а вскоре началось и его наступление. Перед самым броском на таврические просторы Кутепов 23 мая лично произвел разведку позиций противника на аэроплане в качестве наблюдателя. Учитывая ненадежность техники, для вылета в тыл врага требовалось настоящее кутеповское мужество.

На рассвете 25 мая 1-й армейский корпус начал наступление. Его командир лично руководил боем и воодушевлял войска. «Бой на севере все больше разгорался... Автомобиль мчался уже по дороге над насыпью. В автомобиле сидел генерал Кутепов. Одна рука Кутепова лежала на черной квадратной

бороде, другую он держал у козырька корниловской фуражки...» За два дня корпус лобовыми ударами опрокинул противника, взяв 3500 пленных, 25 орудий и 6 броневых автомобилей; правда, это стоило огромных потерь – у Дроздовцев, например, выбыли из строя все ротные и батальонные командиры. После первоначального успеха корпус к 15 июня отводился в резерв Главнокомандующего, но это осталось невыполненным ввиду угрозы прорвавшего фронт красного Сводного корпуса Д. П. Жлобы. Брошенные против Жлобы Корниловская и Дроздовская дивизии размеренными залпами, мощным пулеметным и артиллерийским огнем сбили противника, после чего севшие на подводы Дроздовцы погнались противника, рассеивая и уничтожая его.

Сменив своими войсками части 2-го корпуса Слащова, Александр Павлович к 23 июня овладел районом Большого Токмака. 5 июля под его командованием были объединены 1-й армейский, Конный и Донской корпуса. Став фактически во главе армии, Кутепов ударил на Орехов и Александровск. Приказом Главнокомандующего от 11 июля он был удостоен ордена Святителя Николая Чудотворца II-й степени.

В начале августа, приняв, после неудачи под Каховкой, рапорт генерала Слащова об отставке, Врангель назначил на его место начальника Дроздовской дивизии генерала Витковского, а Кутепову подчинил и 1-й, и 2-й корпуса, так как считал, что он – «начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск». А вскоре вышел и приказ о назначении генерала командующим 1-й армией, в состав которой были включены 1-й армейский и Донской корпуса.

Весь август шли тяжелые бои с переменным успехом. Именно в те дни Корниловцев поразила угроза, угрожавшая военно-полевым судом в случае невыполнения задачи. 4 сентября 1-я армия вошла в логово махновщины – Гуляй-Поле; дальнейшее движение планировалось на утерянные было Орехов и Александровск. В ночь на 25 сентября Корниловцы и Марковцы форсировали Днепр. Позднее Врангель назвал действия войск в Северной Таврии в сентябре 1920 года «борьбой генерала Кутепова»...

Но 29 сентября противник нанес удар по 1-й армии с востока и от Каховки. Кутепов настаивал на возвращении ему Корниловской дивизии, которая была временно переброшена на прикрытие переправы 2-й армии за Днепр. Врангель отказал, считая первоочередным расширение наступления. Кутепов же хорошо помнил, чем обернулось это под Курском и Орлом, и оказался прав. Уже 11 октября 2-я армия отступила обратно на левый берег Днепра. По сути, это стало повторением в меньших масштабах «разбросанной» тактики 1919 года. В районе Каховки кипели ожесточенные безрезультатные бои.

13 октября противник начал переправу через Днепр. Через день он перешел в решительное наступление по всему фронту. Армия Кутепова заняла позиции от днепровских плавней до Азовского моря. Превосходство сил – более чем в три раза – было в пользу красных. Поняв опасность для главных сил быть отсеченными от Крыма, Врангель приказал 1-й армии отбить наступление врага, однако малочисленность, плохая обмундированность при двадцатиградусном морозе и измотанность в трехдневных упорных боях не позволили реализовать замысел. 16 октября, пользуясь густым туманом, 1-я Конная армия Буденного прорвала фронт и вышла в тыл Кутепову. Тот, потеряв драгоценные сутки, начал пробиваться в Крым. Буденновцы, в свою очередь,

оказались отрезанными от баз и прижатыми с севера к плохо замерзшему Сивашу; в первых же стычках не ожидавшая натиска конница беспорядочно устремлялась на север, открывая Кутепову путь к отступлению.

«Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу “товарища” Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы», – с досадой отмечал Врангель и, щадя самолюбие соратника, списывал неудачу на то, что «наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян... Сами начальники не проявляли уже должной уверенности». Но это – слабая отговорка. Начальник Дроздовской дивизии генерал А. В. Туркул был настроен по-боевому, называл ошибкой отход от Днепра и косвенно обвинял в этом Кутепова: «Порыв большевистских атак мог быть разгромлен нашим порывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязав себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а маневр... Возможно, что тогда Крым не окончился бы Перекопом... Прорыв 1-й Конной смутил штаб, поразил наше командование, там поколебались». Похоже, что Кутепов вновь проявил себя слабым тактиком. Более того, 20 октября он прибыл в Ставку, чтобы (помня кошмар Новороссийска) осведомиться, «приняты ли меры на случай несчастья... Он выглядел наружно спокойно, но в его словах проскальзывала тревога». Вся оборона Крыма была поручена ему.

Вечером 26 октября, после прорыва противником Перекопских позиций, под угрозой обходного маневра через Сиваш, Кутепов приказал отступить, о чем телеграфировал Врангелю. «Как содержание, так и самый тон донесения не оставлял сомнения, что мы накануне несчастья». Не желая прямо толкать Главнокомандующего к приказу об эвакуации, Кутепов заявил о готовности вернуть прежние позиции, но сомневался в целесообразности этого. Испытанные начальники дивизий выбыли из строя, поставленные в строй военнопленные перебежали к противнику. Это был конец.

Войска направлялись к портам для погрузки; на сей раз эвакуация прошла в несравнимо большем порядке, чем новороссийская. 1 ноября штаб Кутепова погрузился на пароход «Херсон», а 3 ноября последний транспорт покинул Крым и взял курс на Константинополь. Впереди была чужбина...

* * *

Утром 9 (22) ноября 1920 года корабли стали на внешнем рейде турецкой столицы, а вскоре войска начали высадку на Галлиполийском полуострове. Лил унылый дождь. Вместе с французскими офицерами Кутепов верхом отправился осмотреть место для палаточного лагеря. Увидев каменистую долину, открытую всем ветрам, он поразился и спросил только: «И это все?» А на берегу ждали измученные люди. И Кутепов принял быстрое решение: для поднятия духа был устроен парад, во время которого генерал краткой речью вселил надежду на скорое возвращение в Россию и победу, потребовав во имя этого сохранения железной дисциплины и предупредив о суровых методах ее поддержания. Тяжелые условия диктовали жестокую логику: пусть слабые и деморализованные или уйдут, или воодушевятся, а сильные сплотятся в немногочисленные, но монолитные ряды. Держа равнение и глухо печатая шаг, Добровольцы сквозь ливень и ветер проходили мимо Кутепова...

Сразу же по прибытии в Турцию Кутепов был назначен помощником Главнокомандующего и начальником Галлиполийского лагеря, в котором были размещены сведенные в корпус все части Русской Армии за исключением казачьих. 3 декабря Александр Павлович был произведен в генера-

Лагерь 1-го корпуса Русской армии в Галлиполи, 1921 год

лы-от-инфантерии – за боевые отличия. В декабре он тяжело заболел, находился почти при смерти, но выздоровел.

На первых порах издерганные и в значительной мере отчаявшиеся офицеры и солдаты могли дрогнуть. Кутепов понимал это и вместе с комендантом Галлиполи генералом Б. А. Штейфоном умело направлял энергию людей в нужное русло: на обустройство палаточного городка, строевую и теоретическую подготовку, организацию разнообразных курсов. Командир корпуса неутомимо требовал аккуратного внешнего вида, четких приветствий и т. д., заново воспитывая в подчиненных великое умение подчиняться. По его же инициативе были разрешены дуэли. Галлиполийская дисциплина славилась далеко за пределами лагеря: у стороннего наблюдателя поначалу складывалось впечатление, что на гауптвахте-«губе» содержится больше половины личного состава, а недоброжелатели рассказывали, как Кутепов ходит по лагерю с палкой и бьет по головам небрежно отдающих честь. Офицеры с долей иронии рассказывали, что настроение командира корпуса связано с надетой на нем формой: Дроздовская означала хорошее расположение духа, Корниловская – переменное, а Марковская безошибочно указывала, что кто-то из попавшихся генералу непременно окажется на «губе»...

Попытки внесения в Галлиполи политических страстей сурово карались: критиковавший командование полковник Щеглов был расстрелян, а советская разведка позже вообще сделала вывод, что «Кутепов не постесняется кого угодно расстрелять». Серьезное предупреждение получил и один из «старейших Дроздовцев» Туркул, неожиданно выказавший республиканские симпатии. И дело тут не в личных (монархических) пристрастиях Кутепова: он четко стоял на позициях «Армия вне политики», формулируя свое кредо так: «Армия должна занять Москву, а затем взять под козырек». Более того, еще в ходе войны Кутепов говорил, что он, «может, и монархист, но поклял-

Молебен в Галлиполи. В центре генерал А.П. Кутепов, далее командир Алексеевского полка генерал М.М. Зинкевич, начальник 1-й пехотной дивизии генерал В.К. Витковский; четвертый справа – начальник Штаба дивизии полковник Ф.Э. Бредов

ся защищать республику, которая освободит Россию, даже от монархистов». Ни о какой политической твердолобости тут, конечно, нельзя и говорить.

«Авторитет Кутепова стал быстро расти», – пишет один из Галлиполийцев. – «Он сделался идеалом военачальника, а в будущем – диктатора России»; именно он в глазах подчиненных становился «естественным главой всего зарубежного белого воинства». Врангель был изолирован союзниками в Константинополе, и его, несмотря на неизменное уважение, начинали забывать. Несмотря на жесткую требовательность (или благодаря ей), Кутепов превращался в настоящего вождя. В Галлиполи тогда же возникла идея, чуть позже сформулированная в виде проекта, о создании в Армии рыцарского Ордена, основными лозунгами которого провозглашались «Бескорыстное служение Родине», «Неустанная борьба с палачами народа русского и врагами христианства», «Бесперывная работа над собой, борьба со своими дурными привычками и наклонностями везде, всегда и при всяких обстоятельствах». Вступление в Орден «должно производиться не просто записью, а после того, когда каждый проникнется задачами и целью Ордена, уверует в необходимость и спасительность этой идеи, после того, как проверит себя... Никаких прав и преимуществ Орден не дает, но одни обязанности, и обязанности далеко не легкие». Ордену планировалось дать имя Святого Александра Невского, ибо в его личности «воплотился идеал и князя, и гражданина, и воина, и христианина», – здесь можно увидеть идеализированную параллель с именем и образом Александра Кутепова. И главное здесь не в выполнимости проекта, а в самом его появлении, которое красноречиво характеризовало настроение Галлиполийцев, не случайно вновь воскресивших название «Кутепия».

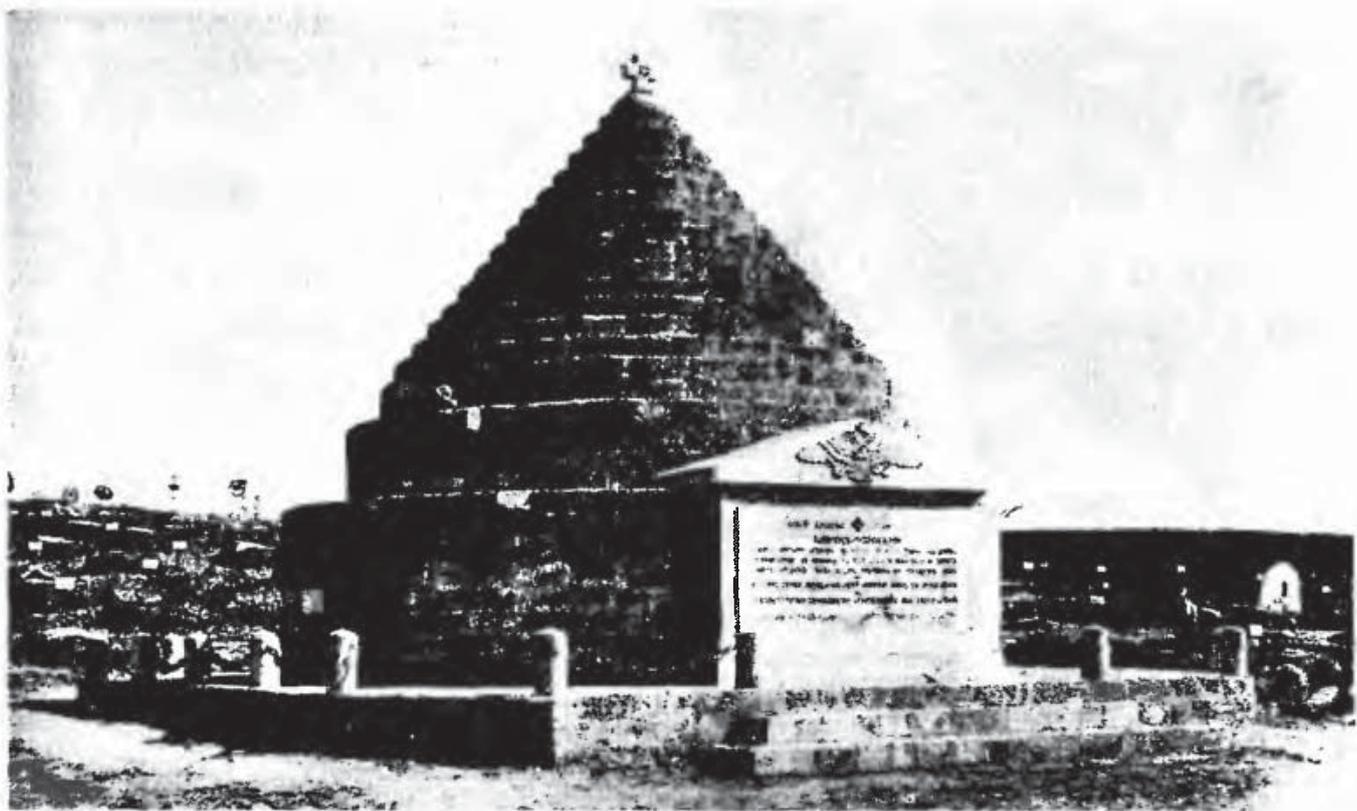
Незадолго до окончания пребывания войск в «Голом Поле» (так переименовали название «Галлиполи») был учрежден особый знак – черный крест с надписью «Галлиполи 1920–1921» – для всех выстоявших и не покинувших Армию. В своей речи накануне отъезда Кутепов сказал: «Вы целый год несли крест; теперь этот крест носите вы на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей». Войска 1-го армейского корпуса отправлялись в Болгарию и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (позднее – Королевство Югославия); 18 декабря 1921 года последний транспорт покинул неприветливый берег, на котором закалились воля и единство непримиримых воинов. Дух будущего Русского Обще-Воинского Союза уже витал в воздухе.

* * *

До мая 1922 года Кутепов жил в Тырново и Софии. Затем, когда коммунистическая пресса обвинила русские войска в подготовке переворота, он был задержан болгарскими властями и в 24 часа выслан из страны. Через Грецию генерал переехал в Сербию. В августе у Кутепова произошел конфликт с его заместителем, генералом Витковским, который занял открытую монархическую позицию и вступил в переписку с Великим Князем Николаем Николаевичем, чем нарушил принцип надпартийности Армии. «Кутепов решил отказаться от наименования командиром первого корпуса, так как не может согласиться с тем, что там делает Витковский», – пишет современник. Поселившись в Сербии в качестве помощника Главнокомандующего, Александр Павлович некоторое время бездействовал. По словам одного из приближенных, в это время он «невероятно поплотнел, прямо весь как мускул, живет просто, в небольшом домике, кормит нескольких своих офицеров, с ним жена...»

К тем дням относятся первые попытки внести разлад между Кутеповым и Врангелем. Представитель Русской Армии в Берлине отмечал, что «большевики относятся с полным презрением к Врангелю, доказывая, что он бесталанен, неумен и т. п., и гораздо положительнее (серьезнее. – Р. А.) смотрят на Кутепова, говоря про него, что он человек с головой, умеет вести за собой людей...» В июле 1923 года друзья предупреждали Врангеля, что разрыв с Кутеповым будет чреват падением престижа Главнокомандующего. Но пока их отношения оставались вполне сердечными и задушевными, а переговоры с Великим Князем Николаем Николаевичем генерал вел четко по инструкциям Врангеля. Одновременно Александр Павлович начал налаживание собственной разведки в СССР. Но стоило Великому Князю в 1924 году приблизить его к себе, как Кутепов постепенно начал обособляться от Главного Командования; сыграло свою роль и поручение ему Николаем Николаевичем разведки и пропаганды на советской территории. Эта деятельность, однако, в значительной степени оказалась под контролем ОГПУ, а последовавшие в 1926–1927 годах разоблачения стали для генерала громом среди ясного неба. Заметим, что Врангель сразу предполагал провокацию в известиях о якобы существовавшем в СССР сильном монархическом подполье («операция “Трест”»). Вновь наметилась тенденция к сближению с Главным Командующим, и Кутепов получил даже его моральную поддержку, при этом и не думая признавать ошибочности своих действий.

Основное внимание он уделял террористической работе в Советском Союзе. Несмотря на давление со стороны западных разведок, генерал запретил своим агентам сообщать им «то, что могло бы пойти во вред России». Параллельно Кутепов тесно контактировал с Деникиным, а с 1926 года – и с извест-

«Галлиполийский памятник», 1921 г.

ным политиком, историком и публицистом С. П. Мельгуновым, который стремился объединить широкий антибольшевицкий фронт вокруг своего журнала «Борьба за Россию». В 1928 году, после неожиданной смерти Врангеля, Кутепов становится во главе РОВС, а через год создает одноименную с мельгуновским журналом тайную организацию, пытаясь избежать повторения «Треста». Александр Павлович писал: «Для ниспровержения советской власти мы создаем широкое объединение эмигрантов, нацеленное исключи-

тельно на борьбу с большевизмом. Никаких межпартийных споров внутри него мы терпеть не намерены, так как они лишь распыляют наши силы». В этих словах хорошо заметен отказ от крена в сторону монархии – возможно, в связи со смертью Великого Князя Николая Николаевича.

Крайне неожиданно звучит и свидетельство современника, вспоминаяшего, как Деникин в 1937 году упомянул о якобы имевшей место встрече Кутепова с М. Н. Тухачевским. Она могла состояться между январем и мартом 1928 года в Париже, куда «красный Бонапарт» «тайно» приезжал из Берлина, участвуя в очередной провокационной операции ОГПУ. Вообще же вся эмигрантская деятельность Кутепова до сих пор остается лишь фрагментарно известной и нуждается в тщательном исследовании.

...Александр Павлович жил теперь в Париже на улице Руссель, 26, с женой и родившимся в 1925 году сыном Павлом. Денщик, оставшийся с генералом, помогал по хозяйству. Шоферы такси – бывшие офицеры – по очереди охраняли дом и возили Кутепова; это дежурство не было ни круглосуточным, ни обязательным, да и сам Начальник РОВС по скромности не хотел утруждать своих соратников. Неписанным правилом кутеповской семьи стало, что всех посетителей во избежание огласки встречал и провожал сам хозяин, принимавший на дому донесения своей тайной агентуры. Поэтому, когда 25 января 1930 года Кутепову была доставлена записка от крупного финансиста с просьбой о встрече, никто об этом не знал. Однако у Александра Павловича имелись основания ожидать в ближайшем будущем нападения чекистов на РОВС и него самого, о чем он и сообщил двум соратникам: 19 января известный генералу еще по Гражданской войне полковник Н. де-Роберти признался ему, что является агентом ОГПУ. Намереваясь переговорить с автором записки по пути на церковную службу, Кутепов 26 января в 10 часов 30 минут вышел из дома. С тех пор никто из знакомых больше его не видел... Как выяснилось позже, генерала похитили сотрудники советских спецслужб.

Похищение фактически было равносильно гибели Александра Павловича. Существуют две версии его смерти. По первой, он был убит сразу же, а его тело растворили в ванне с кислотой. По второй, Кутепова морем вывезли в СССР, но при подходе к Новороссийску генерал умер от сердечного приступа на борту парохода: при захвате использовали хлороформ, на который у него была непереносимость после ранения в 1915 году. Именно последняя версия оказалась более популярной у историков.

Что же побудило ОГПУ совершить это преступление? Чаще всего называют стремление дезорганизовать и ослабить террористический центр Белой эмиграции путем уничтожения его «мозга и души» – деятельного и непримиримого Начальника РОВС, которому, кажется, удалось избежать проникновения провокаторов в организацию «Борьба за Россию» и тем повысить ее эффективность. Но такое объяснение не согласуется с попыткой вывоза Кутепова в СССР, ибо тогда достаточно было бы ликвидировать его прямо в Париже. Между тем можно предположить заинтересованность советского руководства в свидетеле на готовящихся «судебных процессах» против видных командиров Красной Армии.

«Мне не важно знать, такой или этаким был Кутепов, сколько у него врагов, сколько друзей, – писал 6 февраля 1930 года Б. К. Зайцев. – Сейчас он – знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может, не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был». Довольно долго после исчезновения генерала еще служились молебны о его здравии и избавлении. Постепенно надежды угасли, и кладбище Сент-Женевьев-де-Буа пополнилось

*Символическая могила генерала
А.П. Кутепова на кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа, Париж*

новой символической могилой. Отпевание же воина Александра было совершено Русской Православной Церковью Заграницей лишь в 1996 году. Сын Кутепова Павел учился в Русском кадетском корпусе в Югославии, после Второй мировой войны попал в советские лагерь, но в 1954 году был реабилитирован и сотрудничал в Московской Патриархии; два его сына живут в России. А Лидия Давыдовна Кутепова умерла в эмиграции в 1959 году.

* * *

И при жизни, и после смерти даже сослуживцы давали Кутепову противоречивые оценки. Соперники и недоброжелатели выставляли на первый план негативные черты, подлинные или мнимые: «Очень честолюбив; хороший фельдфебель; военная бездарность; хам; лично храбр». «Отличный строевой офицер и скверный организатор, способен на должности не выше командира батальона. Честолюбивый, грубый, небольшого ума, очень твердой воли, большой интриган, как боевой начальник всегда терпел поражения». «Всегда в поводе у своего начштаба, в военном смысле ничего не стоит». «Железная личность», несущая другим «полное порабощение личности, диктаторское требование абсолютного подчинения, подчас пренебрежение самыми лучшими чувствами человеческой души», что в качестве реакции «создает затаенное чувство злобы, затаенную ненависть».

Приятели и подчиненные, естественно, вспоминали своего генерала восторженно: «Храбрый, неподкупно честный, строгий и справедливый». «Вне служебных интересов он был человеком весьма отзывчивым, проявляя много задушевности и сердечности». Но и они, как мы уже отмечали выше, нередко оценивали его военные таланты критически.

Офицер исключительной храбрости. Строгий службист, требовательный к себе и другим. Вспыльчивый, но отходчивый. Непримируемый и беспощадно жестокий с врагами и заботливый о близких и подчиненных. Горячий патриот России (своего ее идеала), но уж никак не политик. Несгибаемый аскет, твердо идущий к цели. Прагматик до мозга костей. Бесспорный вождь, но ничем не выдающийся полководец. Искренний до прямолинейности и неличеприятный до грубости, при этом – поразительно честолюбивый и скрытный, то есть расчетливый и неглупый. Скорее прямой заговорщик, чем закулисный интриган. Человек крайностей, одновременно цельный и противоречивый. Наконец, сильная личность, обладатель могучего волевого характера и менее значительных интеллектуальных способностей, сумевший раскрыть себя только в экстремальных условиях Гражданской войны, – таким видится нам ставший в 1917–1920 годах «героем своего времени» Александр Павлович Кутепов.